

Владислав Чернилевский

Хранитель лабиринта и пленница белой комнаты

16+

Владислав Чернилевский

**Хранитель лабиринта и
пленница белой комнаты**

«Автор»

2020

Чернилевский В.

Хранитель лабиринта и пленница белой комнаты /
В. Чернилевский — «Автор», 2020

Молодой программист идет работать в научную Лабораторию. Там ему говорят, что за запертой дверью подвала – бесконечная лестница, которая ведет в самую Бездну. А еще говорят, что если уснуть в Лаборатории, то древние Тени придут из темноты за спящим. Поэтому открывать двери – табу. Спать – табу. Даже рассказывать про лестницу – табу. История похожа на байку для новичков, поэтому программист игнорирует предостережение и в один из вечеров засыпает в лаборатории. Вот только проснется он в совершенно другом месте – белой комнате, где встретит прекрасную юную девушку. Кто она: жертва или чудовище? «Хранитель Лабиринта и пленница белой комнаты» – мрачное городское фэнтези, где Тени бродят в лабиринте снов. Хочешь увидеть другие миры?

© Чернилевский В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. ТЕНЬ ИЗ-ПОД КРОВАТИ	5
ЧАСТЬ 1. ПРИ ДВЕРЯХ	6
ГЛАВА 1. ЧЕТЫРЕ ЭТАЖА ЗАПРЕТОВ	7
ГЛАВА 2. ПО КОМ ЗВОНИТ БУДИЛЬНИК?	13
ГЛАВА 3. ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЯ	20
ГЛАВА 4. ХОЛОДНЫЙ СВЕТ, ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ	25
ГЛАВА 5. КОМНАТА С ПРАВОМ НА НАДЕЖДУ	30
ГЛАВА 6. ТРЕТЬЕ ТАБУ	34
ГЛАВА 8. ЛЕСНОЙ ЦАРЬ	49
ГЛАВА 9. ГОРОДСКОЙ НЕОЛИТ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Владислав Чернилевский

Хранитель лабиринта и пленница белой комнаты

ПРЕДИСЛОВИЕ. ТЕНЬ ИЗ-ПОД КРОВАТИ

Тени всегда преследовали меня. Я учился произносить первые слова, а они уже прятались за спиной; они дышали в затылок, когда я смотрел телевизор, и садились на грудь, когда я засыпал. Краем глаза я ловил силуэты в углах и темных коридорах. В их размытых образах скрывалось что-то зловещее. Тени хотели забрать меня в свое Царство Теней. Я сбегал от них к родителям, но иногда черные силуэты успевали схватить меня за ноги, и я падал на пол. Я начинал плакать от боли и беспомощности. Тогда мама выбегала на крик, брала меня на руки и успокаивала.

– В темноте никого нет. Это твое воображение, – говорила она.

Днем мама забирала меня с собой на кухню, а ночью оставляла включенный в коридоре свет. В такие моменты Тени уходили, но лишь для того, чтобы вернуться позже. А они возвращались всегда. Всегда. Что бы родители ни делали, что бы они ни говорили, гости из другого мира продолжали навещать наш дом.

Я стал бояться полуденного солнца и сумеречной темноты: именно в это время Тени начинали кружить на стенах и потолке в первобытном танце. Их ритуальные движения казались беспорядочными и бессмысленными, но чем дольше продолжалась пляска, тем отчетливее их шаги и жесты напоминали тайные символы забытого языка. Гости звали меня с собой в глубину лесов и темноту подвалов, и лишь появление мамы останавливало мой побег.

На шестилетие отец подарил мне телескоп и разрешил пользоваться своим фотоаппаратом. Он хотел отвлечь меня от мистики астрономией и фотографией. Вначале это помогло, но со временем фотоаппарат в моих руках все чаще пытался поймать на пленку не людей или природу, а Тени. С помощью телескопа я высматривал не только звезды, но и НЛО.

Из своей комнаты я слышал, как родители ругались из-за моего поведения. Папа считал его опасным для психики, мама возражала: «Это возрастное и скоро пройдет». Отец согласился подождать. Он ждал ровно до того момента, пока я не пошел в школу. Первого сентября он собрал в коробку телескоп, фотоаппарат, мою коллекцию самодельных амулетов и отнес все в подвал.

С тех пор я и Тени больше не встречались друг с другом, если не считать того жуткого случая в университете, когда они вернулись за мной. Чтобы наша встреча больше никогда не повторилась, я сделал себе защитный амулет из найденной в тот день занятой вещицы. Я повесил талисман на шею и предпочел забыть об инциденте.

После университета я узнал, что жизнь – это тоскливая беспросветная серость. Я удаленно работал программистом из квартиры-студии, где жил один. У меня не было даже кота. Университетские друзья разъехались, и лишь изредка я находил возможность поговорить с ними. Я видел только монитор, перед которым проводил по десять-двенадцать часов в день. В какой-то момент я почувствовал, что больше не выдержу одиночества, и решил сменить фриланс на офис. На мою удачу, знакомые друга искали себе как раз такого специалиста, как я. После череды долгих собеседований и проверок меня взяли на работу в секретную Лабораторию.

ЧАСТЬ 1. ПРИ ДВЕРЯХ

И Ангелу Филадельфийской церкви напиши: так говорит Святый, Истинный, имеющий ключ Давидов, Который открывает – и никто не затворит, затворяет – и никто не отворит: знаю твои дела; вот, Я отворил перед тобою дверь, и никто не может затворить ее.

(Откровение Иоанна Богослова 3:7-8)

ГЛАВА 1. ЧЕТЫРЕ ЭТАЖА ЗАПРЕТОВ

– Предъявите паспорт! – потребовал охранник на проходной Лаборатории. Начинался мой первый рабочий день, и я еще не успел получить пропуск. У меня забрали смартфон с обещанием вернуть на выходе, осмотрели с металлоискателем – и только после этого пропустили внутрь. После работы дома такая процедура показалась мне неприятной, но аргументов против я не нашел.

Коридоры Лаборатории были обычными для государственного учреждения: с зелеными стенами и запахом хлорки, от которого хотелось чихать. Зато ходило много людей – именно ради них я сменил фриланс на службу.

Первым делом я направился к начальнику службы безопасности Алексею Георгиевичу. Он должен был провести инструктаж и взять с меня подписку о соблюдении государственной тайны, и только после этого я мог приступить к работе. Мы познакомились с ним еще на собеседовании, где Алексей Георгиевич посвятил треть разговора своей биографии длиной в пятьдесят с лишним лет. До работы в Лаборатории он служил кадровым военным, и эта служба отразилась на внешнем виде: он носил командирские часы, имел отменную выправку и натягивал штаны с ремнем на живот. А еще начальник службы безопасности обладал тяжелой энергетикой, прoderжавшей меня в напряжении всю нашу первую встречу.

Теперь я боялся, что этим утром он раздавит мое настроение. Я пытался приободрить себя и, когда вошел в кабинет, улыбнулся и первым протянул Алексею Георгиевичу руку. Начальник службы безопасности улыбнулся в ответ, встал из-за стола и пожал ладонь. Прежде чем разжать пальцы, он с любопытством спросил:

– Когда заходил, обратил внимание на стену справа?

– Нет, а что там? – поинтересовался я.

– А ты посмотри! Внимательно посмотри, – голос Алексея Георгиевича неожиданно зазвучал тяжелым металлом.

От этой перемены в голосе я невольно дернулся назад. Затем мрачно посмотрел на стену, где на бежевой стене висели часы, предательски показывавшие девять сорок. Я опоздал на работу в первый же рабочий день.

У меня было оправдание: пятнадцать минут заняло оформление пропуска и досмотр, а еще двадцать пять разделили между собой задержавшийся автобус и непредсказуемая остановка у железнодорожного переезда, где мы ждали проезда товарняка. Я пытался объяснить это Алексею Георгиевичу, но он оборвал меня на середине риторическим восклицанием:

– И почему у программистов всегда страдает дисциплина?!

– Профессия творческая. А у креативных людей с дисциплиной всегда плохо, – огрызнулся я.

Я не знал правил Лаборатории, но был наивно убежден, что отчитываться за дисциплину я должен только перед руководителем Лаборатории. К тому же я считал, что могу просто уйти сегодня на сорок минут позже, поэтому ничего страшного в опоздании не видел.

Алексей Георгиевич оказался недоволен моей реакцией на замечание. Он поморщился, сел обратно в свое кресло и сказал:

– Тогда у меня будет для тебя несколько творческих правил. Первое: никому не рассказывать про Лабораторию; второе: никогда не спать на рабочем месте; и третье: никогда не пытаться открыть запечатанные в подвале двери.

Я засмеялся. Я посчитал фразу шуткой, призванной разрядить обстановку.

– Первое правило бойцовского клуба – не говорить о бойцовском клубе, – поддержал я собеседника.

Только вот начальник службы безопасности не улыбался. Уголки губ нервно подергивались на его хладнокровном лице – он ждал, когда я замолкну и начну слушать. Я обреченно покачал головой и с мрачным выражением лица сел на старый деревянный стул, приставленный к стенке. Начальник службы добился покорности и теперь был готов проводить инструктаж.

– Ты должен очень серьезно отнестись к тому, что я буду сейчас тебе рассказывать, – начал он. – Ни одна фраза, которую я произнесу, не будет являться шуткой или преувеличением. Я говорил это многим до тебя и повторю еще многим после, несмотря на то, что вы, вредя самим себе, игнорируете и будете игнорировать мои слова. Молодые люди любят ставить под сомнения выстраданный опыт стариков, как будто это они, а не их отцы пролили кровь, которой писали правила. Но я буду продолжать делиться уроками своей жизни, чтобы вы не совершили те ошибки, которые совершили мы. Поэтому ты выслушаешь и, поскольку ты умный молодой человек, поймешь, почему у нас действуют такие правила.

Надежда, что разговор будет быстрым, не оправдалась. Я сидел, скрестив руки на груди, и мне казалось, что весь мой вид должен был отдавать скептицизмом. Однако Алексей Георгиевич не обращал на него никакого внимания и продолжал говорить:

– Запомни имя: доктор Эдвин Крамп. Ты будешь часто слышать его, ведь именно этот человек сделал из Лаборатории то, чем она является сейчас.

Доктор Крамп начал свою карьеру в тяжелое для страны время. Государство разрушалось, науку забросили. Люди пытались выжить, торгуя кирпичами с руин старого порядка, а Эдвин Крамп мечтал о великом – создать сверхчеловека, который изменит мир.

«Не вписался в рынок! Фашист! Оторванный от жизни идеалист!» – вот что о нем говорили. Ему не оставляли никаких шансов сделать научную карьеру. Так Крамп сделал то, что не могли другие, – деньги. Он синтезировал новый ноотроп – препарат, повышающий умственные и физиологические способности человека.

Критики поспешили окрестить лекарство пустышкой, дорогим плацебо, но нашелся заказчик, захотевший купить его и производить в промышленных масштабах. Это принесло Лаборатории деньги и изменило расклад сил. Крамп получил высокую должность. Он успевал работать и над новыми лекарствами, и над сверхчеловеком. Но если лекарства у него получались, то новый человек никак не хотел рождаться. Доктор Крамп все больше зарывался в работу. Его график был таким плотным, что иногда он неделями ночевал в Лаборатории! Вы, молодежь, не знаете такого упорства.

Так продолжалось до того утра, когда Эдвин вышел из своего кабинета с младенцем на руках. Мы подумали, что это его внебрачный ребенок, но правда оказалась ужасной. Ребенка доктору отдал человек, поднявшийся из подвала Лаборатории. Когда мы открыли дверь, то увидели вместо обычного подвала Лестницу, уходящую бесконечно вниз. Ее никто не строил, ее никто раньше не видел, а ее существование опровергало законы физики. Сначала это поражало воображение, мы представляли, как ломаем устоявшиеся представления о мире. А затем всех охватил ужас перед неизвестностью. Что может скрываться в глубинах подвала? Не встретим ли мы там демонов, которые уничтожат нас? Раздался призыв запечатать подвал, сделать вид, что лестницы не существует и никогда не существовало.

Крамп встал перед дверью в подвал, повернулся к нам лицом и громко заявил, что наука не имеет права отступать перед неизведанным. Он настоял на том, чтобы мы исследовали подвал. Доктор собрал группу добровольцев и отправился изучать Бесконечную Лестницу, не спеша спускаясь все ниже и ниже.

Эдвин Крамп обнаружил, что на первых четырех этажах потусторонний мир проявляется во снах. В своих сновидениях люди видели странные образы.

Они рассказывали о невидимом храме Праги, чья крыша возвышается над Жижковской телебашней и чей колокол разбудит мертвых в преддверии последних времен. Они видели затонувший город Солнца во французской Полинезии, который каждые девятнадцать лет подни-

мается из-под воды, неся на поверхность не только тину и водоросли, но и утерянные человечеством древние артефакты, выкованные самими ангелами. Они рассказывали о заброшенном городе под Семипалатинском, где ядерный взрыв нарушил течение пространства и времени, а местные жители, подверженные вечному полураспаду, блуждают по руинам собственных домов, мечтая о недоступной им смерти. Они погружались в воды Юпитера, где в шпиль древнего монумента с поверхности спутника Ио¹ бьет самая мощная молния Солнечной системы, открывая портал к далеким галактикам. Они видели Древнего бога, скованного во льдах небесной кометы, чья орбита когда-нибудь пересечет Землю, и слышали голос первой звезды, которая издала предсмертный крик, перед тем как Азазель убил ее собственным бессмертием. Они проходили через туннели Лабиринта, пронизывающего Землю от ее поверхности до самых глубин Бездны – той вечной Бездны, которая стара как сам Бог и которая, не имея разума и воли, стремится поглотить пространство и время вокруг себя, обратив все в пустоту...

На минус пятом этаже чертовщина начинала происходить уже в реальности: мигали лампы, слышались шаги, падал и разбивался стеклянный стакан. На минус десятом этаже проскользывали тени людей и доносился детский плач. На минус двадцатом можно было почувствовать прикосновения невидимых рук.

После минус двадцать пятого этажа Эдвин Крамп перестал спускаться сам и только отправлял разведывательные группы. Они уходили ниже и ниже, и это продолжалось до тех пор, пока очередная группа не исчезла в Бездне темноты. Единственный выживший тоже не смог поведать о том, что с ними произошло, поскольку им полностью овладело безумие.

Тогда, невзирая на протесты Крампа, мы для безопасности поставили на четвертом этаже стальную дверь, чтобы никто снизу, если кто-то там есть, не смог проникнуть в наш мир. Вот только когда мы установили ворота, преграда мистическим образом оказалась навечно запечатанной, и никто так и не смог ее открыть, какими бы инструментами он ни пользовался. Мы решили, что оно и к лучшему, и произнесли первое Табу: никогда не пытаться открыть пятую дверь.

Доктор Крамп стал изучать сны на первых четырех подземных этажах. Он даже нашел язычников, поклонявшихся Древним богам и готовых платить деньги за возможность общения с ними во снах. Язычники пересказывали свои разговоры Крампу, а он их записывал. С этого момента Лаборатория перестала быть храмом науки и впустила в себя дух оккультизма. Многие ученые разочаровались в этом решении Крампа и покинули Лабораторию.

Доктора Крампа это не смущало. Он продолжал работать и наконец достиг того, к чему стремился всю жизнь – создал сверхчеловека. Для этого он полностью отказался от морали и начал ставить опыты над младенцем, поднятым из Бесконечной Лестницы. В считанные месяцы ребенок переродился в прекрасную взрослую девушку. Доктор Крамп, на манер алхимиков, назвал ее гомункулом. Мы закрыли на его эксперименты глаза и позволили продолжать исследования. Руководство Лаборатории дало ему деньги и ресурсы.

Эдвин Крамп решил, что одной женщины слишком мало для нового вида, и стал думать над тем, как всех людей превратить в сверхверсии. Из крови девушки он создал препарат, назвал его вирусом Ницше и провел успешные опыты на крысах. Они стали сильнее, быстрее, ловчее. А еще они больше хотели есть, но это никого не пугало. Зря.

Вдохновленный успехом, доктор Крамп перешел к экспериментам на людях. И тогда случилось ужасное. Препарат изменил пациентов так же, как до этого изменил крыс. Они стали сильнее, быстрее, ловчее и голоднее. Сначала сверхлюди еще сохраняли свою человечность, но чем больше тестов они проходили, чем невообразимее силу показывали, тем голоднее они становились. И однажды один из пациентов сорвался. После серии экспериментов, где он поднимал по сотне килограмм над головой, сверхчеловек потерял рассудок и набросился на лабо-

¹ Один из спутников Юпитера.

ранта. Он вцепился зубами в его шею и пил кровь, пока бедняга не перестал хрипеть через перекусанную глотку.

Руководство потребовало прекратить эксперименты и убить мутантов. Доктор Крамп не подчинился приказу – он выпустил чудовищ из клеток в надежде, что они вырвутся наружу и положат начало новому виду. Мы остановили монстров и заплатили за это большую цену. Мы залили коридоры Лаборатории кровью, а чтобы вирус не вырвался наружу, запечатали минус второй и минус третий этажи, где Эдвин Крамп ставил свои эксперименты. Сам доктор исчез. В официальном рапорте мы указали, что его разодрали чудовища, и, чтобы отыскать его остатки, попросили разрешение вскрыть запертые этажи, на что получили закономерный отказ – а вдруг вирус вырвется на свободу? А неофициально ходит слух, что Крамп все-таки смог открыть пятую дверь Бесконечной Лестницы. Ту самую дверь, которая ведет вниз, в глубины Бездны. Спасаясь от неизбежного возмездия, доктор спустился по Лестнице вниз, а что там с ним стало – одному только Богу известно, и то, если он есть.

Именно поэтому у нас запрещено спать на работе, рассказывать о Лаборатории и пытаться открыть замурованные двери – чтобы не разговаривать с Древними богами и не выпускать монстров из своего заточения. Если ты хочешь здесь работать, ты будешь соблюдать эти правила. Ты все понял?

– Ничего не понял, – ответил я на длинный монолог Алексея Георгиевича.

Он меня изрядно утомил – не только длительностью, но и абсурдностью. Да, я встречал в своей жизни существ из потустороннего мира. Но Алексей Георгиевич намешал столько всего: сверхлюдей-зомби, Древних богов, гомункула, Бесконечную Лестницу... Поверить во все эти вещи разом невозможно. В лучшем случае рассказ начальника службы безопасности можно было отнести к историям об НЛО, которые правительства ведущих стран распространяли, чтобы списать на инопланетян секретные испытания ядерного оружия.

Алексей Георгиевич увидел мой скепсис и сказал:

– Я вижу, ты не веришь мне. Думаешь, я тебе рассказываю байки. Это даже похвально, нормальный человек в них сразу поверить и не может. Но давай ты будешь честен по отношению ко мне. Скажи прямо, о чем ты сейчас думаешь?

– Я думаю о том, что окончил университет, где каждый день наши преподаватели рисовали перед нами научную картину мира, стирая мифы из нашего сознания. Мы штудировали толстые учебники и научные работы, и ни в одном из них не было написано о Бесконечных Лестницах или Древних богах. В играх, фильмах – сколько угодно. Но я думаю, вы меня пригласили в Лабораторию не фильм снимать, правда? – ответил я.

Я сосредоточено смотрел на Алексея Георгиевича, ожидая, как он скажет, что его рассказ не более чем шутка. Не сказал. Вместо этого он произнес:

– Я принесу тебе отчеты Эдвина Крампа, чтобы ты прочитал и сам во всем убедился. На самом деле не важно, веришь ты мне или нет. Ты будешь выполнять правила и считать их Табу, иначе тебя будут ждать большие неприятности. Я повторю их, а ты запоминай: не спать, не рассказывать и не открывать. Три «не», все просто. С твоим ясным умом ты должен их быстро запомнить. Пойдем, я покажу тебе твое рабочее место – оно на минус первом этаже. Заодно помотришь на Бесконечную Лестницу.

Готовность начальника службы безопасности показать Бесконечную Лестницу поколебала мою уверенность. А вдруг, правда, я прямо сейчас отправлюсь в Царство теней? Но если его рассказ байка, то над моей впечатлительностью будет смеяться не только он, но и мои знакомые, которые помогли мне устроиться на эту работу. Я сжал под футболкой амулет и пошел за Алексеем Георгиевичем, чтобы убедиться, что другого мира нет, а случившееся со мной несколько лет назад не более чем нервный срыв.

Мы прошли до конца коридора, где под лестничным пролетом затерялась неприметная стальная дверь серого цвета. Начальник службы безопасности открыл ее электронным замком

и после писка зашел внутрь. Чтобы не отстать и не остаться одному на таинственной лестнице, я немедленно прошел за ним.

Лестничный пролет находился в состоянии полумрака. Его освещали тусклые лампочки над дверьми, и их света с трудом хватало, чтобы осветить межэтажные пролеты. Мы шли медленно, и я внимательно высматривал в неокрашенных бетонных углах черные силуэты. Но, кроме моей тени и тени Алексей Георгиевича, никаких больше теней здесь не было. Я не слышал посторонних шагов или детского плача. Лампочка не мигала, а горела ровным светом. Может быть, было мрачно, но во всех подвалах мрачно, а сама по себе мрачность не делает место потусторонним.

Мы спустились на этаж ниже, он был подписан большой черной цифрой, но лестница на этом не заканчивалась – она уходила глубже. Я подошел к ступеням, ведущим к следующему межэтажному пролету, и посмотрел на дальнюю стену. Она как будто была темнее, чем стена этажом выше, как будто мрак окутывал ее сильнее.

– Не слушай зов Тьмы. Спускаться не запрещено, но тебе нечего делать внизу. Иди за мной в свой кабинет, – сказал Алексей Георгиевич.

Мы прошли через очередную дверь, и я увидел настоящий интерьер Лаборатории. Он разительным образом отличался от унылых зеленых стен на Поверхности. Футуристический коридор словно срисовали с внутренних отсеков космического корабля. Он поражал смелостью дизайнерских решений. Стены отделали плавным белым пластиком и гнутым стеклом. Светильники сконструировали в виде квадратов, грани которых располагались на стенах, полу и потолке. Мы проходили сквозь свет, словно через порталы. По коридору ездил робот-пылесос огромного размера, доходивший мне до пояса. Он отмывал оранжевый пол от шагов посетителей.

Мой кабинет располагался примерно посередине коридора и имел более консервативный интерьер – бежевые обои и деревянный декор. На рабочем столе стояло очень дорогое «железо»: широкоформатный монитор, механическая клавиатура. Если ремонтом подземных этажей занимался лично Крамп, то он сделал все для того, чтобы работники погрузились в рабочую атмосферу комфорта.

Я почувствовал, что попал именно в то место, о котором мечтал! Я уселся в мягкое кресло, включил системный блок и откинулся на спинку. Затем выразительно посмотрел на притомившего меня собеседника довольным взглядом, на что тот улыбнулся и положил передо мной стопку бумаг, обычно подписываемую при приеме на работу. Я все подписал и попрощался с Алексеем Георгиевичем. Он уже выходил в коридор, когда развернулся в дверном проеме и сказал:

– Помни о правилах. Я буду следить за тобой.

С этими словами начальник службы безопасности перевел взгляд наверх, где я увидел висящую под потолком видеокамеру. Работать мне предстояло под пристальным взглядом Большого Брата. Это немного напрягало, но не пугало.

Первый месяц работы в Лаборатории выдался нервным и напряженным по другой причине – я потратил много сил на то, чтобы разобраться в чужом программном коде. Еще мне потребовалось время, чтобы смириться с отсутствием привычных вещей, таких как интернет или смартфон. Я и не представлял, насколько я подсел на них.

Вместо социальных сетей во время перерывов я читал отчеты Эдвина Крампа, которые мне принес Алексей Георгиевич. Наверняка он отдал мне их не все, но и не в полном комплекте они оказались любопытны. Они полностью подтверждали слова начальника службы безопасности, и если это была мистификация, то очень качественная. Я читал отчеты как вымышленные рассказы, испытывая вместо страха любопытство. Каждое утро, вечер и обед я спускался и поднимался по Лестнице и не обнаруживал ни единого следа потустороннего мира. Я даже

привык к ее странной атмосфере, зовущей спуститься ниже, и перестал обращать на нее внимание.

А еще через несколько месяцев я обнаружил, что моя жизнь после трудоустройства не изменилась. Работать стало легче, я стал общаться с людьми хотя бы на обеде и совещаниях. Но я возвращался все в ту же пустую квартиру. С друзьями я почти перестал встречаться, а с родственниками – созваниваться по телефону. Я попробовал найти девушку через сайты знакомств, но ничего не получилось. Спасение от скуки я находил на работе, а с приходом осени стал особенно часто задерживаться в Лаборатории. Усталость от такого графика накапливалась, пока в один из осенних вечеров я не уснул в своем кабинете.

ГЛАВА 2. ПО КОМ ЗВОНИТ БУДИЛЬНИК?

За ночь под моими веками скопилась соль, которая через сон неприятно покалывала глаза. Я попытался удалить застывшие слезы суставами пальцев, но они только разнесли колючие кристаллики по коже и роговице. Я захотел избавиться от утреннего дискомфорта, промыть глаза, для чего приподнялся с кровати. Прищуренный взгляд поймал солнечные лучи.

Свет шел через окно, и это удивляло меня, ведь в моей квартире он появлялся только после обеда и никогда не сопровождал мое пробуждение. А затем я вспомнил, что уснул в подвале Лаборатории, где вообще не было окон.

Легкая дезориентация сменилась испугом – я впервые видел эту комнату.

Настороженный, все еще не проснувшийся разум попытался осознать ситуацию, в которой оказался. Я почему-то был одет в белую медицинскую пижаму. Взгляд начал скользить по белым стенам небольшой комнаты от одного предмета интерьера до другого. На шести квадратных метрах разместилось две кровати, тумбочка, шкаф, широкий подоконник и две запертые двери – в коридор и, судя по всему, в туалет. Вся мебель, стены и потолок имели непрaktичный белый цвет. Только на полу лежал серый линолеум, который, как мне показалось, стал таким от въевшейся в фактуру грязи. Впрочем, в этой версии я быстро усомнился, поскольку в остальном помещении отличалось стерильно-сверкающей чистотой.

В белизне окружавшей меня обстановки я не сразу заметил сидевшую у противоположной стены смазливую девушку не старше восемнадцати лет. Ее пепельные волосы с легкой небрежностью рассыпались по плечам и груди. Белое платье почти сливалось с нетронутой загаром кожей. В объятиях молодой леди затерялся прижатый к груди белый плюшевый кролик – в ее возрасте такие игрушки обычно меняют на дамскую сумочку. Юная незнакомка молча, но с явным любопытством наблюдала за моими попытками осмотреться в незнакомом месте, и ее пристальное внимание к моей персоне, каким бы оно ни было обоснованным, вызывало чувство неловкости. Поймав мой растерянный взгляд, она слегка приподняла уголки губ и чуть наклонила голову вбок. Я ожидал, что вслед за улыбкой комнату наполнит женский голос, но девушка продолжала хранить молчание. Чувствуя себя неуютно от поглощающего пространство безмолвия, я решил разорвать тишину мучившим меня вопросом:

– Где я?

Как только я произнес фразу, я понял, как она, должно быть, нелепо звучит со стороны.

– Где мы, – мягким обволакивающим голосом, немного растягивая гласные, поправила меня девушка. А затем, чуть ускорив речь, ответила: – В больнице.

Ответ оказался неприятен в своей очевидности и подтверждал зарождающиеся в подсознании догадки, но он нисколько не прояснял мое положение.

– В какой именно больнице? – спросил я, немного усилив давление в голосе.

– Не знаю, – невинно ответила девушка.

– Как не знаешь? – удивился и одновременно возмутился я.

Девушка молча пожала плечами. Выглядело это так, что она и правда не знала, в какой больнице мы находились. Тишина ее ответа усилила мою тревогу, лишив надежды незамедлительно прояснить мое положение и вернуть уверенность в благополучном исходе возникшей ситуации. Мой взгляд стал снова искать ответ в интерьере комнаты, и в этот раз он выцепил две небольшие ручки по бокам кровати, используемые, как правило, для того, чтобы с помощью продетых через них ремней привязывать больного к постели. Стараясь не дать развиться пессимистичным мыслям, я задал второй мучивший меня вопрос:

– Давно я здесь?

Последнее слово захлебнулось в тишине и неуверенности. Я боялся услышать ответ.

– Не знаю. Мы тебя видим здесь впервые, – ответила девушка, хлопая лапками кролика.

– Мы? – с настороженностью уточнил я.

– Я и кролик.

Девушка произнесена эту фразу с таким видом, что я не мог понять, была ли это невинная шутка или серьезное утверждение.

– А ты давно здесь? – спросил я.

– Нас сюда привел отец, когда мы были еще маленькими, – произнесла девушка с каким-то отчаявшимся безразличием.

Я подумал о том, что она стала пленницей этой белой комнаты, и от этой мысли повеяло такой безысходностью, что мной вдруг овладело невыносимое желание вырваться на улицу. Я посмотрел в окно и...

И увидел, как за металлической решеткой молодые листья переливались оттенками свежей зелени под лучами летнего солнца. От открывшейся взору картины электрический разряд пробежал по телу – от груди до кончиков пальцев. Когда я засыпал, в Лаборатории стояла поздняя осень и тающий снег ложился на коричневые листья!

Находясь в оцепенении от своего открытия, я пытался найти объяснение произошедшему. Я нарушил Табу, уснув рядом с Лестницей, и проспал всю зиму?! Или больше?

Я вскочил с кровати и стал искать зеркало. В комнате его не было. Я забежал в туалет, но над раковиной висел только кафель. Я устремился к окну, но отражение в стекле оказалось слишком тусклым, чтобы можно было хоть что-то рассмотреть. Тогда я поднес руки к своим глазам и увидел остриженные ногти. Кто-то ухаживал за мной, пока я спал? И тут я понял, что ноги все еще крепко удерживают мое тело – мышцы не атрофировались. Если бы я проспал полгода, то на ослабевших ногах я и несколько шагов не смог бы сделать по больничной палате. А она мне к этому моменту изрядно надоела.

Я подошел к металлической двери с непрозрачным стеклом и попытался повернуть стальную ручку. Замок оказался запертым с другой стороны. Со злости я дернул рукоятку сильнее. Ожидаемо не помогло. Тогда я начал бить по полотну двери кулаками, надеясь, что меня услышат из коридора и выпустят наружу.

– Что ты делаешь? – настороженно спросила девушка. – Хочешь ее сломать? У тебя не получится. Она очень крепкая.

– Нет, я пытаюсь открыть дверь или хотя бы позвать врачей! – выкрикнул я, сбросив обороты волнения.

Я попытался взять себя в руки. Перестал ломиться в дверь и начал внимательно рассматривать ее, рассчитывая найти что-нибудь, что поможет ее взломать.

– Дверь закрыта. Ты не откроешь ее, – скептически заметила девушка.

– Я вижу.

– Тогда зачем ты пытаешься ее открыть?

Риторический вопрос был призван остановить меня и не требовал ответа, но я решил ответить. Я развернулся, сделал несколько неспешных шагов в сторону девушки и, опершись рукой на окрашенные белой краской металлические трубы спинки кровати, отчетливо произнес:

– Я. Хочу. Увидеть. Врачей.

– Их тут нет, – спокойно ответила девушка.

– Да как нет?! – воскликнул я.

Девушка прижала к себе колени, но продолжала смотреть в мои глаза. Она точно не боялась меня, но мое поведение ее напрягало и настораживало. Я выдохнул – мне не следовало кричать.

– Извини, – произнес я и посмотрел в окно.

– Врачи никогда не приходят ночью, только днем, – пояснила Пленница белой комнаты.

Наверное, она хотела меня приободрить, но заставила удивиться. «Ночью?» – подумал я и посмотрел на солнечных зайчиков, танцующих на стенах палаты. Я думал, что уже полдень, но со слов девушки следовало, что стоит раннее утро. Однако даже ночью медицинский персонал не должен оставлять больницу без присмотра. Я спросил:

– Но кто-то же тут есть?

– Мы с кроликом, – наивно ответила девушка.

– Кто-то, кроме вас с кроликом. Кто-то из сотрудников больницы: медсестры, медбратья, дежурные врачи?..

Внутри вскипало раздражение, но я старался быть терпеливым к девушке. Если она провела всю сознательную жизнь в больнице, ее психическое и социальное развитие неизбежно отстали от физического возраста. Но некоторые очевидные вещи она должна понимать. Я надеялся, что Пленница белой комнаты даст мне хоть какие-то ответы, и эта надежда отражалась в моем взгляде. В глазах девушки отражалось непонимание, которое она, после непродолжительного раздумья, озвучила вслух:

– Зачем они тебе? Им нет до тебя никакого дела. А мы с кроликом будем рады с тобой познакомиться!

Довольная улыбка собеседницы говорила, что ей ну очень нравилась эта идея. В общих чертах мне она тоже нравилась, но сейчас меня волновало, что со мной произошло, и я сказал:

– Я тоже буду рад с тобой познакомиться, но только после того, как познакомлюсь с медицинским персоналом. Как мне их найти?

– Они сами найдут тебя. Они обычно приходят, когда часы показывают... – девушка задумчиво посмотрела на часы и с озорством добавила: – Двенадцать.

– Значит, в двенадцать часов начнется обход? – зафиксировал я в памяти информацию.

Ответа не последовало, но он был и не нужен. Я смотрел на висящие под потолком часы, показывавшие ровно пять часов. Секундная стрелка отсутствовала. Ждать начала рабочего дня предстояло долго, и я подумал: было бы здорово, если бы часы остановились и показывали неверное время, потому что ожидание становилось невыносимым.

Я вернулся в кровать и стал обдумывать ситуацию, в которой оказался. Приходящие идеи накрывали голову какими-то волнами, каждая из которых несла все больше тревоги и страха. Все здесь – от отсутствия медицинского персонала до девушки в одной палате с парнем – мне казалось подозрительным и странным. Сначала я предположил, что мы оба пострадали от экспериментов Лаборатории, поэтому нас госпитализировали вдвоем. Версия была бы хорошей, даже отличной, если бы до этого девушка не сказала, что находится в больнице давно, а меня видит впервые. Я помнил, как уснул в Лаборатории. Возможно, с того момента и до сегодняшнего дня я проспал. Или бодрствовал, но потерял память, и это мое последнее воспоминание.

Подобные рассуждения истощали меня. Мысли заблудились в дьявольском круге, в котором опустошенный разум загонял сам себя. Рождавшиеся в ментальной гонке идеи отражались на моем лице страшными гримасами отвращения и апатии. Этот круговорот отчаянья затянул бы на дно безысходности, если бы из тягучего потока меня не подхватил вопрос девушки:

– Как тебя зовут?

Вопрос прозвучал как эхо сквозь шум мыслей – я не сразу услышал и осознал его.

Еще до того, как я успел вернуться в реальность, девушка придумала ответ за меня.

– Я буду звать тебя Мечтатель! – заявила она.

– Почему? – спросил я.

– У тебя мысли куда-то улетели.

Она смеялась глазами – добрым невинным смехом. Я постарался пошутить в ответ:

– Да? А вроде по комнате летают.

Я сказал, и в памяти возникло старое, забытое воспоминание. Неприятное. Оно как будто прозвучало вслух, потому что моя собеседница его услышала.

– А ведь в школе у меня было прозвище Мечтатель, – задумчиво произнес я.
Девушка немного обдумала мои слова и с интересом спросила:

– Почему?

Я уже весь находился в прошлом и не сразу понял вопрос, поэтому переспросил:

– Что «почему»?

– Почему тебя так звали? – спросила Пленница белой комнаты.

Я засомневался над ответом. Люди не любят плохие воспоминания, но в поисках сочувствия готовы доставать их из своих шкафов на обозрение еле знакомых людей. В своей собеседнице я увидел человека, способного сопереживать. Поэтому я ответил:

– Я постоянно выдумывал свои миры и свои истории. Я никогда не гордился способностью строить воздушные замки, потому что, пока люди жили в реальном мире, я находился в заточении собственного воображения. Даже родители осуждали мою любовь к мечтаниям. Поэтому Мечтатель – плохое прозвище.

Девушку не растрогало мое признание. Напротив, она оживилась и с блеском в глазах воскликнула:

– Это здорово! Значит, ты можешь вырваться за границы, нарисованные другими людьми?! Ты можешь побывать в чудесных странах, убить дракона, спасти принцессу и увезти ее на корабле в далекие страны?! Ты можешь...

Пленница белой комнаты продолжала описывать другие миры, которые я мог выдумать и выдумывал. Истории, происходившие в них, длились годами. Друзья приходили и уходили, кто-то женился, кто-то умирал, в мире происходили войны и заключались перемирия, а в моих мечтах герои продолжали свои приключения. Они пожирали время, лишая меня возможности жить полноценной жизнью наравне с другими людьми. Я старался бороться с пагубной привычкой и повторял:

– Мечтать – грех. В этом нет ничего хорошего.

Вот и сейчас я повторил эту фразу вслух.

– Разве? – прервала свою речь девушка.

Моя собеседница опустила голову. Долго молчала – искала в себе смелость заговорить. А затем тихо и отрешенно начала рассказывать:

– Когда отец привел нас сюда, я много мечтала. У меня плохое воображение, и мои мечты были серыми. Однажды доктор принес мне книги и сказал, что они будут рисовать цветными красками на белом полотне стен. Его слова оказались правдой: я отправлялась в чудесную страну зазеркалья, училась в школе маленьких чародеев. Да, я училась в школе...

Девушка замолчала, что-то поднимая со дна своей памяти. Стало понятно, что если она и училась в школе, то это было очень давно и неправда.

– Как только книга заканчивалась, – продолжала собеседница свой рассказ, – заканчивалось и мое путешествие по миру, к которому я успевала привыкнуть. Я не могла придумать продолжение любимым историям. И тогда вместо ярких картин я снова видела белые полотна стен, ожидая новых друзей в новом переплете. Но... Но если ты Мечтатель, значит, мы можем мечтать вдвоем и придумать историю, которая для нас не закончится никогда!

Девушка прижала руки к груди так, что плюшевый кролик, будь он живым, уже бы задохнулся. Она смотрела на меня, боясь и мечтая услышать ответ. Я покончил со своим воображением давно – даже профессию выбрал максимально далекую от фантазерства – и не собирался к нему возвращаться.

– Вряд ли можно мечтать вдвоем, – возразил я.

Девушка закрыла глаза и опустила голову. Она все еще душила свою игрушку локтями. Она говорила спокойно, но я чувствовал еле уловимое дрожание голоса:

– У нас с кроликом получается мечтать вдвоем, но у него тоже плохо с воображением. Даже хуже, чем у меня.

– Ты после путешествия в Зазеркалье решила, что твой кролик живой? – попытался пошутить я.

– О чем ты? Хочешь сказать, что мой кролик неживой? – девушка плотно сжала свои измятые губки.

Разговор нужно было закончить прямо сейчас – у меня не было цели спорить с девушкой, лишенной счастливого детства, а возможно, и радостного будущего. Но соглашаться с ее сумасшествием, заражаться им – я не собирался. Желая обрубить любые разговоры о кролике, звенящей медью ответил:

– Твой кролик неживой. Это игрушка. Плюшевая детская игрушка.

– И что? – не сдавалась девушка.

– Как «и что»? Плюшевая игрушка не может быть живой, – ответил я без какого-либо раздражения или недовольства со своей стороны. Это было даже не попыткой в чем-то убедить собеседницу, а выражение моего отношения к спору.

В ответ прозвучал неожиданно грубый вопрос:

– Кто тебе сказал такую глупость?!

Провокация достигла своей цели: я возмутился тем, что юная девушка разговаривала со старшим – мной – в таком тоне. Я и без этого спора находился на взводе, но он окончательно выбил меня из адекватности. Я решил оторваться на девушке и начал давить ее методичной и лишенной сочувствия логикой:

– Живой человек двигается, разговаривает. Твой кролик – нет.

– Мой кролик тоже двигается и разговаривает, – невозмутимо заявила Пленница белой комнаты.

От этого контраргумента я сначала впал в некоторый ступор, а затем резонно попросил:

– Да? Ну тогда пусть, не знаю, помашет мне лапкой.

Девушке даже не потребовалось времени, чтобы придумать ответ. Назидательным тоном она сказала:

– Он сейчас отдыхает, и я не хочу его беспокоить. Мы ведь тебя не будили, когда ты спал: а ведь ты мог оказаться неживым! Знаешь, это было бы очень неприятно – спать в одной комнате с неживым человеком.

– Как мило с вашей стороны. И когда кролик проснется?

Мне становилось забавно от ее ответов, и я ждал, что она придумает в этот раз. Девушка поняла, что ее реакция меня забавляет, и решила уколоть:

– Когда кролик проснется, он может не захотеть разговаривать с тобой.

– Это почему же?

– Потому что кролик не разговаривает с плохими людьми.

С этими словами девушка откинулась к стене и демонстративно посмотрела в окно. Она оставалась слишком сдержанной, чтобы назвать ее реакцию истерикой. Но уголки ее губ дрожали, а глаза заблестели влажной обидой. Я подумал о том, что не стоило доводить наш разговор до ссоры. Девушка была очень милой, но нам будет тяжело находиться рядом.

– Как мы вообще оказались в одной палате? – неосторожно произнес я.

– Почему тебя это волнует? – мрачно спросила собеседница.

Чтобы моя фраза не послужила новым поводом для перебранки, я попытался быстро переформулировать ее во что-то более нейтральное:

– Я имею в виду: почему мужчину и женщину положили в одну палату?

– Это палата на несколько человек, – высокомерно сказала девушка, считая ответ очевидным.

На ее лице по-прежнему читалось недоумение. По всей видимости, она не видела в моем утверждении ничего странного, и мне пришлось пояснить причину своего удивления:

– В больницах бывают мужские палаты, а бывают женские. Но не смешанные.

– А ты был во всех больницах?

– Нет, не во всех. Но в больницах, в которых я был, палаты были отдельными.

– Хм, ты не был во всех больницах, но решил, что не бывает смешанных палат?

Я вздохнул и покачал головой. Спорить было бесполезно, но можно было успеть поругаться, чего я делать больше не хотел. Все вокруг казалось странным: от больницы, где нет дежурных врачей, до соседки в мужской палате. Как такое вообще могло быть? Чтобы узнать ответ, мне нужно было дождаться двенадцати часов. Я посмотрел на циферблат и увидел, что стрелка сдвинулась на две минуты шестого. Значит, часы работали. Странно только, что прошло так мало времени.

– Расскажи мне историю, – раздалась просьба с соседней кровати.

Девушка молила о спасении от бесконечной белой пустоты, пропитавшей стены комнаты. Она страдала от безвременья гораздо сильнее меня. Хорошо, что Пленница белой комнаты оказалась рядом, когда я проснулся, – она спасла меня от тревоги и отчаянья. Неизвестность никуда не исчезла, но с ней она казалась не страшной. Может, стоило сделать шаг ей навстречу?

– О чем ты хочешь, чтобы я рассказал? – спросил я.

– Расскажи свою любимую историю, – молниеносно ответила собеседница.

– Любимую?.. – я задумался всего на мгновение, а затем сказал: – Моя любимая история про человека, который потерял свою тень. Хочешь ее услышать?

– Хочу!

«Тень» Шварца. Всегда любил эту сказку больше других. Тени с детства преследовали меня, поэтому я хотел знать о них как можно больше. История, где человек побеждал свою тень, воодушевляла меня. Я дошел до того момента, когда тень сбежала от героя, и подумал о том, как поживает моя тень, – на белых стенах палаты ее должно быть хорошо видно. Я не увидел ее. Я нашел затемненные поверхности под кроватью и за тумбой, но тела... тела их не отбрасывали. В панике я прервал рассказ и поднес свою руку к стене. Но даже когда ладонь почти коснулась белой краски, черный призрак не появился. Холодный ужас во мне воскликнул:

– Тени! Почему их нет?!

– Тут только тени и есть, – тихо ответила девушка.

Она отвела взгляд в сторону, а детский восторг исчез с ее лица. Я что-то понял, и она знала что.

– Что это за место? Ты знаешь? Ответь! – закричал я, сжимая ладони.

Моя собеседница выпрямилась и сделала серьезное лицо. Она словно повзрослела сразу на несколько лет. Куда-то исчезла детская непосредственность. Похолодевшим голосом она произнесла:

– Каждый видит то, что хочет увидеть. Нужно просто решить, кому ты веришь больше: другим или себе?

– Не понимаю, о чем ты? – спросил я.

– Врачи говорят мне, что все, что я вижу, – это сон. А я считаю его реальностью. Как ты думаешь, мы сейчас спим или нет?

Озарение: «Ну конечно! Я сейчас сплю!»

Крамп писал в своих отчетах, что сны в Лаборатории не отличить от реальности. Все, что я в этот момент видел – белую палату, девушку, – было всего лишь порождением мозга. Я до сих пор нахожусь в своем кабинете, за своим столом.

Нужно вернуться.

Будучи человеком, страдавшим от сонного паралича, я знал, что нужно делать. Я выгнулся и завопил в потолок. Я кричал, пока горло не захрипело, однако сознание продолжало спать. От отчаянья я схватился за волосы, и в этот момент услышал успокаивающий голос:

– Не так. Тебе нужно лечь, уснуть, и тогда ты исчезнешь. Побудь еще хоть немного со мной. Я хочу, чтобы ты остался.

Мы смотрели друг на друга, и я видел в ее глазах, мимике и позе надежду на то, что я не уйду. Она была всего лишь моим сном, но выглядела такой живой и такой... беспомощной, что мне даже стало стыдно за то, что я оставляю ее одну в стерильной комнате. Ничего, когда я проснусь, она тоже исчезнет. Я лег в постель, закрыл глаза, успокоил дыхание и стал засыпать.

– Значит, ты все-таки решил отправиться по своим мирам один? – услышал я сквозь темноту накатывающей дремы.

Да, но...

– Если это не сон, то я вернусь.

ГЛАВА 3. ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЯ

Падение. Рывок сквозь темноту. Глоток воздуха. Стул задрожал подо мной, но я удержался. Возвращение из сна оказалось стремительным. Сердце колотило, а грудь гоняла воздух через легкие. Я начал медленно считать, стараясь дышать в такт числам. На десяти я успокоился.

Я пробудился, но сон все еще казался реальным. Я бы не удивился, если бы за одной из соседних дверей нашел белую палату с юной девушкой. Мое состояние полностью соответствовало состоянию подопытных из отчетов доктора Крампа. Несмотря на свои знания, я оказался не готов к встрече с потусторонним миром Лаборатории. Я отделался дезориентацией и легким помешательством, но уже хотел быстрее покинуть кабинет и вернуться домой.

Я посмотрел на висящие под потолком круглые часы, длинная стрелка которых замерла на пяти. Секундная стрелка на них отсутствовала, и я подумал, что было бы здорово, если бы они остановились вчера и все еще вечер. Я перевел взгляд на потухший монитор, дернул мышку и вывел компьютер из спящего режима. Полдевятого – позднее время даже для меня. Следовало поспешить домой.

Я вышел из подземного кабинета и ускоренным шагом поднялся в свой надземный кабинет за верхней одеждой. Двухкабинетная система меня всегда раздражала, но сегодня заставляла нервничать особенно. Чем дольше я находился в Лаборатории, тем больший был соблазн узнать у охранников, чем я занимался вечером. После разговора с Алексеем Георгиевичем я крайне не хотел, чтобы кто-то узнал о моем сне.

Перед проходной я остановился, сделал глубокий вдох и дрожащей рукой открыл дверь. Быстрым шагом я проскользнул мимо охранника. Боковым зрением я увидел, как он увлеченно читал книгу. Я облегченно вздохнул: если охранник просидел так весь вечер, то он мог не заметить на мониторах системы слежения, как я сплю. Я уже почти вышел наружу, как охранник окликнул меня. Я замер, не смея ни убежать, ни увернуться.

– Телефон будешь забирать? – буркнул охранник.

С облегчением я вернулся к стойке охраны и забрал свои вещи. Сторож иронично заметил, что я продолжаю бить все рекорды трудоголизма. В ответ я пошутил, что в выходные буду бить рекорды алкоголизма. Это мысль показалась мне интересной, и я решил в обязательном порядке посетить бар в субботу.

Диалог на проходной успокоил меня, но дома я стал волноваться, что записи камер могут пересмотреть. Вполне возможно, что протокол безопасности обязывает это делать. Если так, то Алексей Георгиевич неизбежно узнает о моем проступке и тогда... тогда... Я не знал, что будет тогда, но ничего хорошего точно. Я начал прокручивать в голове возможный разговор, приводя доводы и аргументы в свою защиту, не забывая ругать себя за несобранность. Только запоздалый сон смог остановить самобичевание.

Ночь, лишенная сновидений, показалась очень короткой, словно я вовсе не спал. Мое состояние соответствовало этому ощущение: усталость, разбитость и нежелание идти на работу. Перед выходом из дома я даже не побрился, посчитав, что слишком устал даже для повседневных занятий. Были ли это объективные ощущения или самовнушение для оправдания сна на работе, сказать не мог даже я, но в Лабораторию я пришел в дурном расположении духа.

Я зашел в свой кабинет, но вместо того, чтобы сесть за работу, стал ждать, когда Алексей Георгиевич вызовет меня к себе. Я был убежден, что он все знает, поэтому наша встреча сегодня неизбежна. Однако время шло, а начальник службы безопасности никак не выказывал свою заинтересованность мной. Ближе к обеду я засомневался в том, что он в курсе моего

проступка, но не мог быть в этом уверен наверняка. Не выдержав ожидания, я решил первым пойти к начальнику службы безопасности, чтобы уже покончить с тревогой.

Чем ближе я подходил к кабинету, тем медленнее становился шаг. Я посчитал, что мое появление у Алексея Георгиевича уже будет выглядеть подозрительным, и стал придумывать оправданию своему вторжению. Решил, что буду отпрашиваться с работы.

Я постучал в дверь, а затем вошел внутрь. Алексей Георгиевич смотрел на рукописный текст и тщательно набирал его на клавиатуре двумя пальцами. Он был настолько погружен в процесс, что, даже поймав меня боковым взглядом, предпочел продолжить печатать. Лишь секунд через десять он спросил:

– Что случилось?

– Я плохо себя чувствую. Хотел отпроситься с работы, – ответил я, а про себя подумал, что начальник службы безопасности ответит: «Не ври. Я знаю, что случилось».

Но он спросил:

– Почему ты пришел ко мне, а не к руководителю?

– Не хотел его отвлекать всякими мелочами.

– А меня, значит, можно отвлекать мелочами? – Алексей Георгиевич строго посмотрел поверх очков, а затем добавил: – Хорошо, иди домой. Нечего больному на работу ходить – только других заражать.

– Спасибо! – обрадовался я.

– Чтобы в понедельник здоровым был, – с улыбкой пригрозил пальцем начальник службы безопасности.

Я вышел из кабинета и почувствовал, что стал легче килограмм на двадцать-двадцать пять. Алексей Георгиевич ничего не узнал. От этой новости тело почувствовало себя здоровым и готовым продолжать работать, но я решил воспользоваться выпрошенным выходным и отправился в бар, чтобы выпить пару бокалов хорошего пива.

Мой выбор пал на заведение под названием «Утки» – дешевое место без изысканных блюд, но в нем, по крайней мере, не приносили разбавленный водой алкоголь, а колбаски не отдавали вкусом картона. За дешевое, но качественное меню приходилось платить крайней теснотой: столики в теории вмещали четверых, но если сесть за них таким составом, то неизбежно будешь задевать локтями посетителей за соседними местами. И все же, ради аппетитного аромата стейков и мягкого вкуса бельгийского бланша эти неудобства можно было перетерпеть. Тем более что сейчас бар должен был стоять полупустыми до вечера. Так оно и оказалось. Мне даже посчастливилось сесть на единственный в баре мягкий диван, обитый зеленой тканью.

Отштукатуренные белые стены, темное дерево и полумрак скрывали от шумного бега города, позволяя в полной мере насладиться мгновениями тишины. Чувствуя успокоение, я облокотился на диван, подозвал официантку и, не открывая меню, заказал стейк и две кружки пива. Я считал, что именно этим количеством алкоголя необходимо ограничиться, если пьешь один, иначе на дне третьего бокала обнаружишь тоску от одиночества. В последнее время я только один и пил.

Вскоре мне принесли мой заказ, и я начал наслаждаться сочным вкусом жареного мяса, посыпанного морской солью и душистым перцем. Приятный привкус пиву добавлял маленький кусочек лимона, который я попросил у официантки. Негромкая мелодичная музыка перекрывала шепот соседних столиков, и я, пожалуй, впервые за долгое время ощутил умиротворение и покой.

Я ополовинил вторую пинту пива, когда в бар зашел стильно одетый мужчина, чья одежда стоила явно дороже, чем заведение, которое он решил посетить. Легкая расстегнутая куртка, выглядывающий джемпер, вычищенные ботинки, короткая щетина и прическа с легкой небрежностью – вроде ничего особенного, но на незнакомце это выглядело все очень харизматично. Смуглая кожа, длинный прямой нос и другие черты лица выдавали в нем иностранца.

Образ дополняли прямой взгляд с легким прищуром под густыми черными бровями и еле заметная самовлюбленная улыбка. Незнакомец кого-то высматривал в баре, неспешно идя по коричневому паркету и оценивая интерьер заведения. В какой-то момент наши глаза встретились: мужчина улыбнулся и, ускорив шаг, подошел к моему столику. Пододвинув к себе стул, он сел напротив.

Я растерялся от такого вторжения в личное пространство и попытался вспомнить незнакомца – возможно, мы встречались с ним раньше? Маловероятно. Он был слишком богатым для моего друга. По крайней мере, никто из них не носил золотых часов. Я ждал, что он скажет, но незнакомец продолжал молчать, опершись подбородком на свою руку и вглядываясь в меня своим пристальным прищуром. Я не выдержал этой тишины и спросил:

– Вы что-то хотели?

– Возможно, – ответил мужчина с акцентом, убирая руки под стол. – Во многих странах Европы владельцы баров ставят большие столы, за которые незнакомые друг другу люди садятся вместе. Что ты думаешь об этом?

– Что мы не в Европе, – мрачно заметил я.

– А ты хотел бы быть в Европе? – с этими словами собеседник поставил локти на стол и наклонился ко мне.

Я прижался к спинке дивана. Либо это человек меня с кем-то путает, либо он иностранный шпион. Для собственной безопасности мне следовало считать правильным ответом второй вариант.

– Если это предложение, то нет, – ответил я.

– Это предложение. Но другого смысла.

Речь собеседника зазвучала деловым тоном. В фильмах таким тоном разговаривают политики, финансисты и организованная преступность.

– Вряд ли ваше предложение меня заинтересует, – ответил я.

В этот момент к нам подошла официантка, чтобы принять заказ у моего собеседника. Я опередил его и попросил счет. Но это не остановило незнакомца, который обратился с просьбой добавить в счет два бокала пива и сырную тарелку.

– Не стоит! – попытался возразить я, на что мужчина добавил:

– Я заплачу за все.

Щедрость незнакомца усилила мою тревогу. Официантка пожала плечами и ушла к барной стойке, не сказав, что собирается принести: счет или пиво. Я проводил ее взглядом, после чего осторожно произнес:

– Я думаю, что вы меня с кем-то спутали.

– Исключено, – возразил собеседник.

– Почему вы в этом так уверены? – спросил я.

– Я торгую информацией. Если я знаю что-то, то эти знания являются правдой. Я не представился и хочу сделать это сейчас. Мое имя Патрицио, – незнакомец протянул мне руку. Я не спешил ее пожимать.

– Как я понимаю, мое имя вы знаете? – спросил я.

Патрицио утвердительно кивнул и, не дождавшись рукопожатия, положил протянутую руку ладонью на стол. Мой собеседник правильно произносил окончания, но акцент, неловко подобранные слова и странное построение фраз говорили о том, что русский язык не был для него родным. Алексей Георгиевич предупреждал, что в силу моей работы на меня могут выходить иностранные агенты, промышленные шпионы, журналисты и даже внутренняя безопасность. При этом последних будет интересовать не информация, а благонадежность. Я не хотел общаться ни с кем из указанного списка.

– Давайте сразу расставим точки над «i». Меня не интересуют ваши предложения и ваши деньги, – ответил я, нетерпеливо поглядывая в сторону барной стойки.

– Но я говорил ничего о деньгах, – возразил Патрицио.

– Неужели бесплатно хотите узнать информацию? – заулыбался я наивной наглости собеседника.

– Нет, бесплатно дать.

Патрицио откинулся на спинку стула и стал ждать. Я попытался вспомнить: не просил ли я у редких друзей или многочисленных коллег узнать для меня что-то важное? Может, это такой экстравагантный способ помочь мне с серьезным вопросом, о котором я умудрился забыть? Оттого, что я не мог ничего вспомнить, я начинал злиться. Я повторил единственную мысль, которая засела у меня в голове с самого начала разговора, только теперь в виде вопроса, а не утверждения:

– Вы точно меня ни с кем не путаете?

Патрицио оставался невозмутимым. Нет, он был абсолютно уверен в том, что я именно тот человек, которого он искал. Причину такой уверенности я не понимал. Либо мой собеседник из тех людей, кто никогда не сомневается, либо он знал обо мне что-то такое, чего не знал я сам. И тот и другой вариант мне не нравился.

К нам вернулась официантка, неся на подносе счет и... две кружки пива. Меня устраивало такое решение, и я потянулся за своим кошельком, чтобы рассчитаться. Патрицио успел за это время поблагодарить девушку и даже сделать ей комплимент по поводу ее милой внешности. Наглый парень!

Я потянулся к счету, но торговец информацией резким движением руки взял его первым, бросил беглый взгляд и спросил:

– Ты знаешь, что послезавтра Кристина Майер расскажет лекцию в университете?

– Нет, – ответил я, листая меню и прикидывая, сколько денег я должен отдать за обед.

– Недавно молодая девушка написала статью в журнале «Сайнс». Это уникальный результат для ее возраста. Ее статья рассказала о пространственно-временных аномалиях.

– И? – спросил я.

Я уже отсчитал нужную, по моему мнению, сумму денег, но не спешил вставать с дивана, чтобы узнать о лекции Майер. Меня всегда интересовала черные дыры, космическая сингулярность и прочие космологические объекты, которые называют пространственно-временными аномалиями. Я бы с удовольствием послушал на эту тему лекцию ученой, опубликованной в «Сайнс».

Патрицио опять не спешил говорить. Он поднес к губам бокал с пивом, сделал небольшой глоток и, закрыв глаза, довольно произнес: «Бэне». Только после того, как торговец информацией поставил пиво на стол, он сказал:

– Доктор Крамп потерялся в одной из таких аномалий. Он был лучшим в этой теме. Но Кристина Майер хорошая, тоже.

Разговор принял неожиданный оборот. Откуда он знает про Крампа? Я всегда считал Бесконечную Лестницу большим секретом и не мог представить себе, что кто-то может подойти ко мне в баре и начать свободно разговаривать о ней. Значит, тайна покинула пределы Лаборатории. Теперь она преследует меня не только в моем кабинете, но и в обыденной жизни. Я продолжал сидеть на диване, ожидая продолжения разговора. В этот раз Патрицио не тянул.

– Каждое явление мы можем объяснить мифом, религией или наукой. Крамп верил в сверхъестественное, но объяснял его наукой. Доктор Майер не верит в сверхъестественное, но делает похожие выводы. Завтра ты сможешь услышать их в университете, – сказал торговец информацией.

– Допустим. Но почему вы мне это рассказываете? – задал я беспокоящий меня вопрос.

– Ты хочешь знать о моем интересе? Дружба. Когда пешку ведут к краю доски, ты должен успеть стать другом раньше, чем она станет ферзем, – ответил Патрицио и снова отпил из бокала.

– Я не знал, что меня кто-то куда-то ведет, – ответил я.

К словам своего собеседника я относился с иронией. Торговца информацией это нисколько не смущало. Он вытащил из кармана и положил на стол пятитысячную купюру, которой хватило бы, чтобы заплатить за два выпитых нами заказа, однако я не собирался забирать свою часть денег обратно.

– Когда ты будешь нуждаться в информации, я продам ее тебе на выгодных условиях, – сказал Патрицио.

– Откуда такая уверенность, что я буду в ней нуждаться? – спросил я.

Патрицио улыбнулся, но на вопрос не ответил. Он задвинул стул и на неизвестном мне языке попрощался:

– Vale!

Затем развернулся и пошел прочь из бара, по пути сделав легкий поклон головой в сторону официантки, отчего та нелепо засмеялась. Я не стал останавливать Патрицио своими расспросами, хотя он и смог заинтриговать меня. Я был уверен, что он работает на иностранные спецслужбы и не собирался рыть яму под собственными ногами. Я выждал пять минут, чтобы не пересечься с незванным собеседником на улице, и только после этого покинул бар, пытаясь понять, что мне теперь делать с возникшей проблемой?

ГЛАВА 4. ХОЛОДНЫЙ СВЕТ, ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ

С тех пор, как я окончил университет, моя жизнь изменилась. Исчезла студенческая беззаботность, а вместе с ней почти и все мои друзья. От нашей компании остался только общий чат в мессенджере, который в последние годы оживал только по праздникам. Преподаватель философии говорил нам, что если не женился, готовься к тому, что взрослая жизнь будет временем одиночества. Так оно у меня и получилось. Поэтому возвращение в «старый дом» отдавало теплой грустью и ностальгией по беспечной юности. Я хотел вновь ощутить ее легкость и бодро шел к учебному корпусу по свежему снегу. Его еще не успели посыпать песком, и снег сверкал своей белизной в лучах свежего солнца, слегка поскрипывая под ногами. Среди зеленых ветвей припорошенных елей прыгала шустрая белка, успевшая поменять рыжий мех на серую шубку. Рядом с ней стояла юная студентка в красной куртке, которая пыталась приманить лесную жительницу орешками, насыпанными на ладонь. Я вспомнил, как когда-то мы с моей одногруппницей подкармливали прожорливого зверька, и улыбнулся: какие-то вещи не меняются с поколениями.

Я поднялся в лекционный зал, уже наполненный людьми, и стал высматривать свободное место поближе к трибуне. В этот момент меня окликнул знакомый голос. Я поднял голову и увидел машущего мне рукой Диму – единственного друга, с которым мы изредка продолжали встречаться несмотря ни на что – работу, рутину и его жену.

Я буквально взлетел по лестнице и, извиняясь перед сидевшими людьми, пролез на середину длинной скамьи к своему знакомому.

– Привет! Не помню, чтобы ты любил черные дыры, – поздоровался я с ним.

– Привет! Правильно помнишь, – ответил Дима и широко улыбнулся.

Улыбка моего друга всегда располагала к себе людей. Благодаря ей парни считали его душой компании, а девушки – завидным женихом. Только я знал, что самая широкая улыбка на его лице возникала при самых больших неприятностях. Вот и сегодня что-то произошло, но спрашивать при посторонних людях об этом было бесполезно – и без них Дима предпочитал оставаться скрытным. Поэтому я не стал задавать лишних вопросов и менять тему разговора.

– Тогда что ты здесь делаешь? – удивился я.

– Если говорить честно, то Кристина Майер – дочь друга Льва Эдуардовича. Он попросил меня встретить девушку и помочь ей освоиться в городе. Я проводил ее до университета и просто остался послушать.

Лев Эдуардович – Дима всегда называл своего отца по имени-отчеству, как будто родился в девятнадцатом веке. И отношения у них складывались так же – очень сложно.

Разговор прервала внезапно возникшая тишина. Молодая девушка заняла место возле трибуны и представилась:

– Здравствуйте! Меня зовут Кристина Майер! Я рада видеть, что тема моего доклада собрала полную аудиторию слушателей. Надеюсь, мы с пользой проведем эти два часа, которые будут посвящены моим исследованиям в области гравитационных аномалий...

По моему убеждению, сложность выбранной темы не соответствовала юному возрасту девушки – ей было не больше двадцати трех. Я считал, что умственное развитие таких гениальных людей происходит в ущерб социальному, и начал пристально рассматривать докладчицу, чтобы выявить ее дефектность. Начал я свои поиски с внешнего вида. Девушка оделась достаточно просто, в повседневно-деловую одежду – зауженные бежевые брюки, белая рубашка, – волосы связаны в хвостик. Речь поставлена хорошо, и, несмотря на сложность выступления, слушать было интересно. В конечном счете от поиска ее дефектов я переключился на лекцию.

Начав с общих вещей – теории относительности и теории струн, – девушка переходила к объектам и явлениям: нейтронным звездам, черным дырам, кротовым норам... В некоторой

степени меня это разочаровало: если отбросить математические формулы, то темы избитые. подача материала делала выступление интересным, но это не то, ради чего я пришел на лекцию. Я даже полез в смартфон полистать ленту социальных сетей.

Однако примерно за двадцать минут до окончания выступления прозвучал термин, который я никогда раньше не слышал: гравитационные ловушки. мое внимание оживилось. со слов доктора Майер, гравитационные ловушки – это физические объекты, искажающие пространство-время вокруг себя удивительным образом. Чтобы понять как, она привела такой пример:

– Представьте себе дворец, разместившийся внутри маленькой спальни, – и вы поймете, что собой представляет гравитационная ловушка. Она не искажает пространство снаружи себя, не притягивает к себе предметы, а приборы не зафиксируют ее следов. Пока вы снаружи нее – вы никогда не обнаружите ее существования. Только попав внутрь, вы увидите ее, но как только вы это сделаете, то рискуете никогда не выйти обратно. Ловушка похожа на водоворот, который засасывает в себя тем сильнее, чем глубже вы в него спускаетесь. Нужно обладать большим запасом энергии, чтобы вырваться из нее.

Кто-то из студентов заметил, что гравитационная ловушка ненаучна так же, как и Ад, который невозможно увидеть, пока не попадешь внутрь. Кристина возразила, что если бы существование Ада вытекало из физических формул, то его стоило бы искать.

Это мысль мне показалась интересной. Подобные идеи приходили и в мою голову, но в такие моменты я всегда задавал себе еще один вопрос: а готов ли я в действительности встретиться с Адом?

Ответа у меня не было, зато был вопрос, который я хотел задать. Такая возможность у меня появилась, когда доктор Майер произнесла:

– Если у вас есть вопросы, я с радостью их выслушаю и постараюсь на них ответить, насколько позволяет оставшееся время.

Я один из первых поднял руку, но первый – не значит единственный: аудиторию наполнили поднятые ладони. отдавая дань уважения профессуре, доктор Майер предоставила им право первого вопроса. Когда высокомерный антиквариат высказал свои замечания, Кристина стала в случайном порядке поднимать людей в зале. Ее спрашивали о черной материи, о теории Всего, о последних научных статьях... И никто не спросил о гравитационных ловушках.

Раздался звонок, знаменующий окончание лекции, и меня охватила злобная досада от того, что я не успел задать вопрос. Я намеревался зацепиться за свой последний шанс и перехватить девушку до того, как она покинет аудиторию. Эта мысль пришла в голову не только мне, и пока я спускался с верхних рядов, вокруг Майер уже собралась небольшая группа людей, благодарившая ее за выступление и заваливавшая вопросами. Поначалу мне было неудобно перебивать тех, кто спустился раньше, однако в какой-то момент я осознал: их вопросы никогда не закончатся. Если я не перехвачу инициативу, то никогда не услышу ответ. Перспектива неудачи пробудила во мне решительность, и, перекрикивая говорившего с Кристиной студента, я спросил:

– А Бесконечные Лестницы бывают?

Фраза прозвучала несколько несуразно, но только так она могла пробиться сквозь голос толпы. Кристина услышала ее и довольно агрессивно, что совершенно не соответствовало тону ее лекции, спросила:

– Бесконечные Лестницы? Что ты имеешь в виду?

Прямой взгляд девушки, который я поймал на себе, был неоправданно жестким. Я опешил от такой реакции и сумбурно ответил:

– Я имею в виду, может ли Бесконечная Лестница быть объектом... существовать внутри гравитационной ракушки?

– Ракушки? – переспросила девушка и, не в силах бороться с забавной ошибкой, улыбнулась, но кончики ее губ не достигли ширины зрачков – сдержанная улыбка. А вот толпа, окружавшая девушку, засмеялась.

Дождавшись, когда смех замолкнет, доктор Майер спросила:

– Почему ты задал такой вопрос?

– Мой друг рассказывал, что гулял по Бесконечной Лестнице, – ответил я так, чтобы фраза напоминала шутку.

Студенты отреагировали на нее смешками, как я и хотел, но не Кристина. Доктор Майер смотрела на меня пристальным, холодным и немного высокомерным взглядом, давая всем своим видом понять, что ждет от меня серьезного ответа. Она спросила еще раз:

– Почему ты задал такой вопрос?

– Мой друг рассказывал, что гулял по Бесконечной Лестнице, – повторил я ответ. Только в этот раз – серьезным голосом.

Повисла тишина. Мы не слышали звуки шагов, скрипы парт и коридорные крики, наполнявшие аудиторию. Мы стояли лицом к лицу и не обращали внимания ни на кого. Я понял, что доктор Майер приехала в наш город не для того, чтобы прочитать лекцию, а она поняла, что я пришел на лекцию не для того, чтобы ее послушать. Мы оба знали о Бесконечной Лестнице. Странное чувство очарования друг другом вознесло нас над беспечными студентами и важными магистрами, окружившими нас. Когда ты впервые встречаешь человека общих интересов, о которых остальные даже не догадываются, душой овладевает эйфория и предвкушение. Так сейчас было и с нами. Поскольку нашим общим увлечением оказались тайные знания, палитру чувств разбавила краска недоверия.

– Не воспринимай его слова так серьезно. По правде говоря, он еще в общезнании выступал против электрических кофеварок, утверждая, что они готовят не только кофе, но и состояние машин, – попытался снять напряжение Дима.

– Выступал против кофемашин? Не представляю себе, как можно работать без кофе, – произнесла Кристина, попытавшись улыбнуться, но улыбка вышла вымученной.

– Так и попадают в рабство техники, – поддержал я Димино утверждение.

В этот момент в наш разговор вмешался пожилой профессор, уставший ждать окончания диалога.

– Идемте, доктор Майер, сегодня еще надо много успеть, – сказал доктор наук.

Кристина недовольно поморщилась, но спорить не стала. Она уже поняла, что мы с Димой знакомы и она сможет найти меня позже, если ей это потребуется.

– Я тебе вечером напишу, – сказала Кристина Диме и пошла за профессором, бросив перед выходом мимолетный взгляд в мою сторону.

Теперь я знал, что больше не одинок во вселенной бесконечных миров. Кто-то, так же как и я, жаждал разгадать тайну Бесконечной Лестницы – знание, само по себе воодушевлявшее меня. Может быть, Патрицио, тот странный торговец информацией, работал на Кристину и поэтому свел меня с ней? Или она работает на него? Нет, у нее был определенно личный интерес, потому что наемник так эмоционально не реагирует на дела своего заказчика.

Даже если доктор Майер прибыла в город по личным причинам, сходить с ней было рискованно. Служба безопасности во главе с Алексеем Георгиевичем не оставляла мне шансов на любые контакты, затрагивающие исследования Лаборатории, – будь то иностранные шпионы или любопытные ученые. Поэтому многообещающая встреча с Кристиной не могла повториться, даже несмотря на возможность такого контакта, предоставленного общим знакомым – Димой.

Мой друг уже утомился от ожидания и, чтобы вырвать мой разум из пожирающих измышлений, предложил сходить поужинать. Я согласился.

Мы отправились в «Поганку» – так жители Городка прозвали двухэтажное круглое здание, по форме чем-то напоминающее гриб с толстой ножкой – его второй этаж немного выступал над первым. Что находилось на первом ярусе, я не знал. А вот на втором располагался ресторан с панорамными окнами, в который мы поднялись по округлой наружной лестнице. Мы сели на деревянную скамью, рядом с которой стояла посаженная в глиняный горшок береза. В меню мы обнаружили фотографии традиционных русских блюд: борща, селедки, холодца и пельменей. Среди этого обилия закусок у меня само собой вырвалось предложение:

– А не выпить ли нам?

Дима немного помялся, но когда официантка подошла к нам, я смело заказал графин водки и не встретил с его стороны хоть каких-то возражений.

После того как первая горечь спирта обожгла горло, мы погрузились в долгие душевные разговоры. Встречи друзей юности всегда сопровождаются чувством, как будто к тебе вернулось что-то важное, давно забытое и оставленное. В этих встречах есть что-то очень родное, чего не найти во взрослой жизни. Нам становилось то грустно, то весело. Мы вспоминали веселое прошлое, общих друзей, девушек и грандиозные планы, которые строили на будущее. Все вышло не так, как мы хотели.

Не знаю, почему расстроились мои планы, но причины Диминых неудач я видел в его жене Маше. Вечно недовольная серая мышка, душившая своего мужа. Он не дала Диме уйти на интересную, но менее оплачиваемую работу. Она не дала ему переехать, потому что хотела жить рядом с мамой. Она распугала всех его друзей! И все равно она оставалась вечно недовольной. Вот и сегодня мы встретились только благодаря тому, что Дима поругался с женой и ему некуда было спешить – супруга вместе с дочерью ушла ночевать к маме.

Дима же предпочитал закрывать глаза и объяснял поведение жены по-своему. То, что другие считали неряшливостью, он называл естественностью; то, что приписывали наглости, Дима считал искренностью. Он убеждал всех, что счастлив в браке, чему мы верили с трудом.

Но с другой стороны, жены у меня не было, а жизнь все равно не складывалась.

На такой грустной ноте мы подошли ко дну графина. Сколько пройдет времени до следующей встречи: неделя, месяц, годы? Или вечность? С нами было и такое. Желая оттянуть еще немного момент расставания, Дима поинтересовался:

– А почему ты спросил Кристину про Бесконечную Лестницу?

Я уже находился в изрядно пьяном состоянии и не мог в полной мере контролировать себя, поэтому ответил на вопрос друга честно:

– У нас в Лаборатории такая есть.

Димино состояние было немногим лучше моего, и он спросил:

– Правда?

– Правда, – подтвердил я.

Мой друг оперся виском на ладонь и задумался. Примерно через полминуты он заявил:

– Не верю.

– Так поехали, я тебе покажу, – предложил я.

Дима утвердительно кивнул.

Охранник пропустил нас в Лабораторию. Причина заключалась в отце моего друга – Лев Эдуардович имел большие связи в научной среде. Сторож лично знал и папу, и сына и просто не рискнул связываться с человеком из министерства, чьи корочки давали пропуск даже в нашу Лабораторию.

Нас шатало, глаза слипались. Хотелось на все плюнуть и лечь спать прямо на бетонном полу. С трудом, держась за стену, мы добрались до лестничной клетки. В темном коридоре горело всего несколько тусклых лампочек, и я даже не видел двери. Мышечная память помогла нащупать электронный замок и открыть его. Раздался отвратительный писк, и мы поспешили

завалиться внутрь, лишь бы скорее мерзкий звук замолчал. Я спустился по лестничному маршу вниз, развернулся и увидел то, что меня потрясло.

Бесконечная Лестница имела всего один подземный этаж.

Второй лестничный пролет заканчивался деревянной дверью. Она никогда здесь не стояла. Я должен был обнаружить стальную дверь и лестницу, уходящую вниз, но их не было. Ошеломленный увиденным, я сбежал по ступенькам и толкнул дверь.

Проход открылся, и перед глазами возник грязный слабоосвещенный подвал, чьи неотделанные бетонные стены пронизывал оркестр водопроводных труб. Никакого пластика, никакого стекла, никакого футуризма и науки здесь не было – только связки инженерных сетей.

– Кажется, мы не туда зашли, – только и смог сказать я.

Единственное объяснение, которое мне приходило в голову, – мы перепутали лестничную клетку. Не разглядели в темноте, куда надо идти, и я привел Диму не туда. Нужно было срочно найти правильный вход, поэтому я развернулся и побежал обратно наверх. Я выскочил в коридор и начал крутиться около лестничной клетки, ища причину ошибки. «Я должен найти нужную дверь», – повторял я про себя. Но нужная дверь находилась передо мной, и мы в нее уже заходили. Не отдавая себе отчет в том, что происходит, я побежал обратно вниз, но снова увидел деревянную дверь, а за ней неотесанные бетонные стены. Я испугался. Вера в собственный разум пошатнулась. Не желая мириться с безумием, я закрыл дверь и открыл ее снова. А затем еще и еще раз.

Дима обеспокоенно наблюдал за мной. В какой-то момент он спросил:

– С тобой все в порядке?

Нет, не все, но я не собирался этого признавать.

– Ничего не понимаю. Она была здесь. Я помню. Вот тут стояла железная дверь, за ней находился секретный этаж Лаборатории из белого пластика с моим кабинетом, а тут лестница шла ниже... – бормотал я.

– Может быть, мне попробовать? – предложил Дима.

Он протянул мне сумку-планшет, подошел к двери и открыл ее. Друг увидел тот же серый подвал, что и я.

– А где лестница? – непонимающе спросил Дима.

– Лестница должна быть здесь! – закричал я.

Друг ничего не ответил. Он прислонился к стене, посмотрел на меня усталыми глазами и сказал:

– Может, пойдём по домам?

Я бы предпочел, чтобы он радостно заявил о своей победе в пари, но он просто попросил разойтись по домам. Ему было все равно. Завтра он даже не вспомнит этот инцидент, ведь для него исчезнувшая лестница ничего не значила. Но не для меня. Я не хотел так просто сдаваться.

– Иди. Дай мне пару минут, я догоню, – ответил я.

Дима не стал спорить, хотя наверняка предпочел бы забрать меня с собой. Я же решил, что не могу попасть внутрь, потому что хотел пройти сквозь дверь с посторонним человеком. Без сопровождения у меня получится попасть в подземную Лабораторию.

Я дождался, когда Дима хлопнет железной дверью, после чего подождал еще около минуты. Затем поднялся наверх и, еще раз убедившись, что нашел нужный вход, провел картой по электронному замку. Опять раздался отвратительный писк. Я вошел внутрь.

Ничего не изменилось.

Лестница заканчивалась на минус первом этаже. У меня больше не было идей, что можно сделать. Уставший и отчаявшийся, я сел на ступеньку и не заметил, как ослабленный алкоголем организм провалился в сон.

ГЛАВА 5. КОМНАТА С ПРАВОМ НА НАДЕЖДУ

Моя бабушка любила говорить: «Если вы лежите в сумасшедшем доме, то можете не бояться сойти с ума». Она могла так говорить – ведь бабушка никогда не лежала в сумасшедшем доме. Однако ее фраза возникла в моей голове, когда я открыл глаза и увидел белые стены комнаты из своего сна.

За дни, что я здесь отсутствовал, ничего не изменилось ни внутри больничной палаты, ни за ее пределами. Изменилось мое восприятие стерильной пустоты – теперь атмосфера безвременья успокаивала. Я ощущал себя ребенком того возраста, когда дети считают нормальным жить в мире неизвестности.

«Интересно, она заметила, что я проснулся?» – подумал я. Именно так фраза прозвучала в моей голове: «Проснулся». Уместнее было бы сказать, что я уснул, но суть заключалась именно в том, что я проснулся. Только в другом мире.

Мой взгляд искал Пленницу белой комнаты. Девушка сидела на подоконнике. Одной рукой она прижимала к себе колени, а в другой держала свисающего вдоль батареи кролика. Видимо, они никогда не расставались. Ее голова была повернута к окну и слегка наклонена вбок. Несильно, потому что я продолжал видеть ее глаза, по которым не мог понять: смотрела ли девушка через стекло или была погружена в свои мысли. О чем бы она ни думала в этот момент, она казалась очень милой, может, слегка грустной, но по-детски серьезной. Я не хотел разрушать ее созерцание своими неуместными фразами и вместо разговора посмотрел на висевшие настенные часы. Других интересных вещей в палате не было.

Стрелки показывали шесть. Я вспомнил статью об осознанных сновидениях, в которой писали, что если долго смотреть на часы, то можно понять, спите вы или нет. Если стрелки расплываются, то это, безусловно, сон, а если нет – то явь. Тоже безусловно. Меня вдохновила идея проверить гипотезу на практике, и я принялся рассматривать циферблат. Я досчитал до ста двадцати двух и обнаружил, что часы стоят на месте, но так и не увидел расплывающихся в воздухе стрелок. Все-таки сон в Лаборатории отличался от снов за ее пределами.

Я снова посмотрел на девушку, которая продолжала с грустью рассматривать свои мысли сквозь стекло. Я перевел взгляд на стоящую рядом тумбочку, где увидел упаковку каких-то таблеток. Раньше их не было, и мне стало любопытно, что за препарат здесь могли оставить. Я подполз по кровати к тумбочке и, взяв таблетки в руки, прочитал про себя: «Мелатонин». Коробка была вскрыта, инструкции внутри не было, а в упаковке не хватало несколько таблеток, которые, должно быть, выпила моя соседка. Я выдавил одну пилюлю из упаковки, а затем услышал тихий голос:

– Если пить много лекарств, то можно навредить здоровью.

Я поднял глаза и поймал на себе осуждающий взгляд. Как только мы встретились глазами, девушка гордо отвернулась в сторону окна. Положив коробку обратно на тумбочку, я сел на кровать, свесил ноги на пол и спросил:

– Стоит ли беспокоиться о печени, когда с мозгами не в порядке?

– Почему ты решил, что у тебя с мозгами не в порядке? – поинтересовалась девушка, не отрываясь от стекла.

– Почему?.. – задумался я, чтобы сформулировать ответ, но вместо этого начал просто озвучивать мысли, которые возникали в голове. – Обычно человек чувствует, что ему плохо: если у него температура – его морозит, если он сломал кость – у него болит нога. А если у него болит мозг, то он чувствует себя ненормальным. Как я сейчас.

Моя собеседница наконец оторвалась от стекла и вновь посмотрела на меня. Ее взгляд держался на мне почти полминуты, после чего она соскочила с подоконника, подошла ко мне и, наклонившись на недопустимо близкое расстояние, такое, что я дернулся в противоположную

сторону, начала меня бестактно рассматривать. Затем девушка резко приняла вертикальное положение и, вернувшись на свой подоконник, выдала заключение:

– Нет.

– Что «нет»? – спросил я.

– Нет, ты не ненормальный. Я видела ненормальных – ты на них не похож. Может быть, ты необычный, но быть необычным – это совсем другое, чем быть ненормальным, – серьезно, может быть, с маленькими нотками иронии заявила девушка.

– И что же во мне необычного? – вздохнул я.

– Я уже тебе говорила: ты Мечтатель и можешь создавать свои миры, – постаралась приободрить меня собеседница.

– Не думаю, что это хорошая черта характера, – возразил я.

– Я и не говорила, что это хорошая черта характера, – уколола девушка.

Ей надоели мои жалобы, и таким ответом она намекала, что мне пора перестать ныть. Превращать общение в игру «давай я тебя пожалею» она не собиралась. Я мысленно согласился с ней и не стал спорить.

Девушка тем временем удобно расположилась на подоконнике, прижала зайца к груди и, положив голову на гладкое стекло, произнесла:

– Ты в прошлый раз не ответил.

Попытка понять, что она имела в виду, напоминала прыжок с головой в воду. Нырнул, убедился, что нужного воспоминания нет, вынырнул обратно. Я любил погружаться в свои мысли, но только если я понимал, о чем идет речь. Если такого понимания нет, я начинал злиться. Чтобы в этот раз нотки недовольства не переросли в симфонию гнева, я уточнил:

– А что ты спросила?

Девушка посмотрела на меня возмущенным взглядом, в котором выразительным почерком написала: «Ну как можно не понимать, о чем я говорю!» Я даже почувствовал себя виноватым, хотя ни малейшего повода чувствовать себя так у меня не было. Поняв, что от меня бесполезно ждать чудес сообразительности – в моем представлении, чудес телепатии – моя собеседница смиренно выдохнула и с легким дрожанием в голосе спросила:

– Ты покажешь мне другие миры?

Как только прозвучали эти слова, ее поза, мимика и взгляд изменились. Она снова сжимала игрушечного зайца до удушья и ждала полными надеждой глазами ответа. Но что я мог ей ответить? Что она сон? И что мне нужно разобраться с проблемами в моем мире, где я сплю у входа в Бесконечную Лестницу, которая куда-то потерялась.

Я предпочел ничего не отвечать. Я лег обратно в кровать и уставился в белый потолок. Так можно игнорировать человека – рассматривать то, что тебя окружает. Потолок недавно покрасили известкой. Именно поэтому он был свободен от грязи, плесени и мелких трещин. Однако даже свежесть краски не делала его идеальным: покрытый полосами и разводами, с въевшейся в фактуру мелкой пылью потолок нес в себе следы запустения. Эти детали пугали меня – во сне таких нюансов не увидишь. Этот мир был реальным, таким же реальным, как и мой.

– Я не сон, я живая! Не игнорируй меня, прошу! Не хочешь показывать мне другие миры – не показывай, но, пожалуйста, не молчи! – закричала девушка.

Наверняка ее глаза намокли от слез. Я не мог позволить себе их видеть и продолжал смотреть в потолок. Я должно был что-то сказать, чтобы успокоить ее, и начал говорить то, о чем думал сейчас:

– Мне сегодня снился странный сон. Я встретил старого друга, и мы с ним поспорили, что находится в подвале Лаборатории, где я работаю: Бесконечная Лестница или обычный подвал. Когда мы приехали туда, чтобы проверить, то за дверью на своей работе я вместо невозможной

архитектуры увидел связку водопроводных труб старого подвала. Хотя был точно уверен, что там была Лестница. Как такое может быть?

– Наверное, ты открыл дверь не в ту комнату, – пережевывая слезы, предположила Пленница белой комнаты

– Нет, это была точно та дверь... – опроверг я гипотезу собеседницы.

– Я не сказала, что это была не та дверь. Ты открыл ту дверь не в ту комнату, – ответ девушки зазвучал привычным голосом: спокойным, важным, но приветливым. Она больше не плакала. Мгновение, в которое девушка позволила себе стать слабой, закончилось.

Теперь я думал не над тем, как ее успокоить, а над ее словами. Ответы юной леди всегда отличались экстравагантностью, но этот казался совершенно абсурдным в своей логичности. Я повернулся на бок в сторону соседки, чтобы убедиться, что она не шутит. Девушка сидела на подоконнике, свесив ноги, и по-прежнему прижимала к себе кролика. Пленница белой комнаты растолковала мой взгляд, как непонимание, и пояснила:

– Ты открыл дверь в склад, а надо было открыть дверь в офис.

– Ты хочешь сказать, что одна и та же дверь ведет в разные комнаты? – спросил я и театрально перекошил глаза, один прищурил, а другой широко раскрыл, чтобы выразить весь скепсис от ее идеи.

– Именно! – девушка радостно соскочила с подоконника на пол, довольная своим ответом. Я не разделял энтузиазм.

– Так не бывает. За одной дверью может быть только одна комната, – возразил я.

– Неправда. За одной дверью может быть сколько угодно комнат, – заявила девушка, только я успел закончить фразу.

– И как же такое может быть? – поинтересовался я.

Чем больше я общался с Пленницей белой комнаты, тем больше мною овладевало любопытство. Ее острота ума и по-детски наивные ответы заставляли смотреть на мир под другим углом, а поскольку мой мир оказался перевернутым с ног на голову, косой взгляд был сейчас очень кстати.

Девушка задумчиво поднесла указательный палец к губам, формулируя мысль, а затем, улыбнувшись на мгновение и опустив руку, с серьезным видом ответила:

– Два человека могут пройти через одну и ту же дверь, но попасть в совершенно разные места. Вор прошел через дверь и попал в тюрьму. Полицейский прошел через дверь и попал на работу. Дверь одна, а комнаты разные.

– Но они разные только в голове этих людей, в их отношении к этой комнате, – возразил я, не до конца улавливая мысль, которую старалась донести собеседница.

Она попыталась ее объяснить:

– Ты и твой друг подошли к одной двери. Ты думал, что за ней Бесконечная Лестница, но твой друг знал, что Бесконечных Лестниц не бывает, и привел тебя в обычный подвал.

– Но ведь я знал, что там Лестница, почему привел меня он?! – воскликнул я.

– Знать и верить – это разные вещи. Вот что ты знаешь об этой комнате?

– Что это больничная палата...

– А во что веришь? – не дала мне договорить девушка.

– Что это всего лишь сон, – честно ответил я.

– Разве бывают такие сны?

Девушка сделала шаг в мою сторону и потянула ладонь, чтобы ухватиться за мою руку, но остановилась на полпути. Она не спрашивала, она пыталась донести до меня идею, которую я отвергал.

Конечно, это место не было похоже на обычный сон – он был слишком реален для сна. Но в Лаборатории людям снятся необычные сновидения, совсем как настоящие. Я продолжал считать, что сейчас сплю в Лаборатории с Бесконечной Лестницей, где безумный ученый создал

гомункула и армию зомби, и мне снится совершенно обычная палата сумасшедшего дома, в котором странная девушка объясняет не менее странные вещи. После этой цепочки мыслей, единственное, о чем я подумал, было: «Хорошо, что я не всегда доверяю здравому смыслу».

– Видишь? Ты никак не можешь определиться, где ты настоящий. Оба мира называешь сном. Но настоящий мир может быть только один – тот, в котором мы с тобой находимся. Это комната, эта кровать, это солнце, этот кролик... и я – все мы настоящие, – говорила девушка.

– Наверное, со снами бывает как с комнатами. Для тебя этот мир настоящий, а для меня – сон, – сказал я.

К моему удивлению, девушка не стала возражать и спорить со мной. Она довольная села на кровать и произнесла:

– Наконец-то ты стал понимать.

– Понимать что?

– Я верю в то, что этот мир настоящий...

В глазах девушки появился влажный блеск, и, чтобы я не заметил слез, она подняла голову к потолку и тихо прошептала:

– Ты покажешь мне другие миры?

ГЛАВА 6. ТРЕТЬЕ ТАБУ

Я не хотел открывать глаза. Боль сжимала виски, а холод бетонного пола резал кожу и плоть. Нужно было собраться с силами, встать, вызвать такси и доехать до дома. Там станет лучше. Мягкая постель укутает своим теплом, и я смогу снова забыться. Только сил все это сделать не было.

Меня хватило только на то, чтобы приподнять одно веко. Сквозь узкий прищур я увидел на расстоянии вытянутой руки чьи-то ноги. Кто-то наблюдал за мной. Неприятно! Однако накатывающая боль не позволяла думать о стыде. Я закрыл глаза, но только лишь для того, чтобы снова их открыть через минуту. Теперь я узнал силуэт незнакомца, хотя и не мог разглядеть его лица в полумраке.

Начальник службы безопасности сидел на ступеньках лестницы, терпеливо ожидая, когда я приду в себя. Наверное, охранник вызвал его. Появление Алексея Георгиевича мобилизовало меня и заставило поднять лицо с пола, об который оно успело удариться. Придерживаясь за стену, я привел себя в вертикальное положение.

– Выглядишь ты плохо, – сухо прокомментировал мое состояние Алексей Георгиевич.

– Чувствую так же, – согласился я. Каждый слог болью отозвался голове.

– Мне отец всегда говорил: не умеешь пить – не пей, – нравоучительно заявил начальник службы безопасности.

– А как тогда учиться? – огрызнулся я. В состоянии похмелья слышать нотации невыносимо – они запинавают, а не помогают встать на ноги.

Алексей Георгиевич стал с показным видом рассматривать меня. Мои глаза к этому моменту уже привыкли к темноте, и я смог разглядеть, как лицо начальника службы безопасности по-актерски исказилось в гримасе отвращения. Я отвел взгляд в сторону и услышал:

– От тебя я такого, конечно, не ожидал. Ты меня очень разочаровал! Когда мне позвонили с поста охраны и сказали, что ты пришел мертвецки пьяным на работу, я не поверил и переспросил: «Кто пришел? Наш программист?! Он не мог прийти пьяным на работу. Пока своими глазами не увижу, не поверю». Теперь верю. Как вообще тебе пришлось в голову приехать в таком состоянии в Лабораторию?

– Пьяный был... И сейчас тоже пьяный... А охраннику как пришлось в голову нас пустить в таком состоянии?

– Охранник знает главный принцип спецслужб: видишь человека у края пропасти – подтолкни.

Я никогда не понимал, что движет людьми с такой извращенной логикой. Будь я в другом состоянии, я бы возразил, но единственное, чего мне хотелось сейчас, – это поехать домой. Поэтому я терпеливо ждал, когда разговор закончится и начальник службы безопасности выгонит меня на улицу. Но он и не думал заканчивать разговор.

– Теперь объясни, зачем ты так напился? – продолжил свой допрос Алексей Георгиевич.

– Друга встретил, – буркнул я.

– Друга он встретил, – протяжно повторил собеседник. – И зачем вы с другом приехали в Лабораторию?

Я промолчал: слов в свое оправдание у меня все равно не было. Я бы предпочел воскликнуть: «Неужели ты не видишь, что я пьяный! Чего ты от меня хочешь?! – А затем возмущенно добавить: – Я уже пойду домой?» Но, несмотря на свое полувменяемое состояние, я не рискнул дерзить надзирателю моей работы.

Алексей Георгиевич тем временем поднялся на ноги и подошел к двери, ведущей в подвал. Он остановился около нее и спросил:

– Смогли попасть внутрь?

– Нет, – ответил я. Вечер всплыл в моей памяти, звуча всего одним вопросом: «Почему?»

Начальник службы безопасности, удовлетворившись ответом, провел электронным ключом по замку. Раздался писк, и светодиод замигал зеленым цветом. Алексей Георгиевич повернул ручку и толкнул дверь – за ней была лестница, ведущая в подземные этажи Лаборатории. Теперь я вообще ничего не понимал.

– Не в ту сторону дверь открывал? – спросил заместитель руководителя.

– А что, от этого зависит, куда попадешь?! – удивился я.

– Нет, не от этого. Идем в твой кабинет, – скомандовал Алексей Георгиевич. Он удерживал рукой дверь, давая мне понять, что я должен идти первым.

Я не хотел идти вниз. Все мое тело сопротивлялось мучительному приказу. Я чувствовал себя маленьким ребенком, готовым упасть на пол и начать плакать, лишь бы не делать то, чего не хочет. В молчаливом протесте я прижался к холодной стене, державшей меня на ногах. Алексей Георгиевич не оставил мое неповиновение без внимания и настойчиво повторил:

– Чего ты стоишь? Идем-идем.

– Может быть, завтра? – взмолился я, глядя на «мучителя» собачьими глазами. На лишнего сострадания военного мольбы не действовали.

– Завтра уже настало полтора часа тому назад. Так что иди вниз, в свой кабинет, – повторил Алексей Георгиевич.

Он уже злился, и я был не в силах сопротивляться его агрессии. Мне не оставалось ничего, кроме как сжать зубы от боли и усталости и последовать указанию начальника службы безопасности. Мое тяжелое дыхание даже мне напоминало больные стоны. Я боялся, что меня стошнит прямо на лестнице, но, к счастью, обошлось. Поручни удерживали меня, но я все равно опасался, что могу упасть через них. В какой-то момент Алексей Георгиевич схватил меня за одежду, чтобы мой спуск не закончился пролетом ниже.

Мы вошли в коридор подземного этажа, и по глазам ударил свет. Чтобы спрятаться от ковыряющегося в мозгах сияния, я поднес ладонку ко лбу, надеясь с ее помощью хотя бы немного закрыться от люминесцентных ламп, но она практически не помогала. Виски и лоб накрыла очередная волна боли и тяжести. Почти на ощупь я дошел до своего кабинета, где Алексей Георгиевич не стал включать верхний свет, ограничившись ночником. Темнота принесла облегчение.

Я хотел поудобнее устроиться за своим столом, но начальник службы безопасности опередил меня, усевшись в моем кресле, – у него это стало входить в привычку. Мне пришлось сесть на стул около входа в кабинет. Мягкая сидуха принесла мне такую легкость, что я почти мгновенно провалился в сон. Из дремы меня вырвал яркий свет, дорвавшийся через веки до моих глаз, – это Алексей Георгиевич повернул настольную лампу в мою сторону. Вспышка длилась всего несколько мгновений, но ее мне хватило, чтобы прийти в себя.

– Знаешь, почему вы с другом не смогли попасть сюда? – спросил Алексей Георгиевич, когда убедился, что я готов его слушать.

– Потому что я не верил? – ответил я, вспоминая слова Пленницы белой комнаты из сна.

– Потому что твой друг никогда не сможет попасть сюда, – проигнорировал мою версию Алексей Георгиевич. После чего наклонился и повторил: – Никогда!

– Почему? – спросил я. Мне был интересен ответ, но я бы предпочел его услышать завтра. Я должен был задать этот вопрос, чтобы старик не вернулся к изматывающим нравоучениям.

– Твой друг верит в законы природы, которые здесь не работают. Поэтому, чтобы попасть сюда, нельзя быть законопослушным. Нужно уметь нарушать законы.

Как много слова «закон» в одной фразе! Я недолюбливал это слово – оно убивало свободу. Вот «мораль» – совсем другое дело. С точки зрения моей морали я ничего плохого не сделал. С еле заметной гордостью я произнес:

– Я умею нарушать законы.

Алексей Георгиевич оживленно отреагировал на мою фразу:

– Верно. Ты нарушил Табу, которые я тебе дал. Это было неизбежно, ведь если бы ты был неспособен нарушать правила, то ты бы не смог попасть сюда. Однако неизбежность преступления не отменяет наказания.

Я чувствовал себя слишком плохо, чтобы бояться угроз. Все эти речи, поучения, философии – все они звучали пустым звуком, преграждая путь ко сну, единственной вещи, волновавшей меня сейчас! Я должен был достигнуть своей цели любым способом.

– Мне нужно домой, – произнес я, уставившись расплавленным взглядом в пол.

Алексей Георгиевич сжал губы, посмотрел в стенку, раздумывая некоторое время над своим следующим вопросом. После чего снова повернул голову в мою сторону и спросил:

– Что тебе сегодня снилось?

Это уже перебор! Одно дело отчитывать меня за пьяную рожу на рабочем месте и совсем другое – вести бессмысленный разговор о моем сне, в котором я сейчас так нуждался. Я не собирался отвечать и попросил:

– Давайте завтра? Я себя не...

Начальник службы безопасности мгновенно оборвал меня:

– Что тебе снилось?

– Да какая разница?! – крикнул я.

Алексей Георгиевич ударил кулаком по столу и приподнялся со своего места. Я смотрел на него беспомощно-уставшим взглядом, но собеседник не давал мне даже намека на сострадание. Медленно и четко он повторил железным голосом:

– Что тебе снилось?

Мне было тяжело говорить. Я хотел лишь того, чтобы разговор быстрее закончился, и если я мог ускорить его окончание бессмысленным общением о сне, то я должен был воспользоваться этой возможностью. Я заставил себя говорить:

– Мне снилась белая комната. Абсолютно белая комната. Наверное, это была больница. Да, определенно – это была больница. А я больной...

– Кто-то кроме тебя там был? – направлял ход моих мыслей начальник службы безопасности.

– Да. Девушка с белыми волосами. И плюшевый кролик. Девушка говорила, что кролик живой. Но он был игрушечный. Странный сон...

– Как ее зовут?

– Не знаю, не говорила.

Руководитель прищурил глаза. Он не верил мне. Не снижая эмоционального напора, он повторил:

– Как ее зовут?

– Не знаю я! Не называла она своего имени! – прокричал я.

– Тогда что она сказала тебе? – не снижая напора, продолжал допрос Алексей Георгиевич.

– Ничего особенного, – ответил я, стараясь сохранять спокойствие.

– Что она сказала тебе?

– Да не помню я! Несла какую-то чушь! Про двери, которые ведут в разные комнаты; про игрушечного кролика, который на самом деле живой; про другие миры, в которых она мечтает побывать. Какое значение имеет мой сон к нашему разговору? – сорвался я.

Начальник службы безопасности откинулся на спинку стула. Сейчас он немного помолчит и отправит меня домой. Он поможет мне пройти до проходной, вызовет такси, посадит в машину, а в конце попросит на следующий день зайти к нему после работы. И наш разговор, разорванный моим невменяемым состоянием на две части, продолжится. Как будто не было никакого перерыва.

– Я расскажу тебе одну историю, а ты ее выслушаешь. У этой Лаборатории много историй, а я люблю их рассказывать. Вам, молодым, полезно их знать, – голос Алексея Георгиевича стал мягким, насколько он мог быть мягким у железного человека, и начальник службы безопасности начал свой рассказ: – Это история про ученого, убежденного в трех вещах: во-первых, он никогда не женится; во-вторых, он никогда не будет иметь детей; а в-третьих, он получит Нобелевскую премию. Жил он соответствующим образом: каждый вечер новая девушка, каждые выходные запой, каждый будней день – ударный труд на работе. Он считал, что сможет так жить всегда.

В один день все изменилось. Он с еще несколькими друзьями пришел в гости к Эдвину Крампу, где увидел удивительной красоты девушку с жемчужно-белыми волосами. Никто не знал, откуда она появилась, – доктор Крамп не признавался, где ее встретил. У девушки не было документов, знакомых и прошлого. Она знала только свое имя и тайну, которой ни она, ни доктор Крамп ни с кем не хотели делиться, делая вид, что никаких секретов нет. Зато она обладала необыкновенной красотой и пугающим по силе шармом. Но ученый не испугался. Он подошел к девушке и с серьезным видом спросил: «Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Выйдешь за меня?»

Неудачная шутка! Попытка заполучить сокровище раньше других. Должно быть грустно и смешно, но девушка наивно поверила в искренность предложения и ответила: «Вряд ли это хорошая идея. Но если ты честный человек, то я хочу, чтобы ты был рядом». Все присутствующие оказались шокированы таким скорым развитием событий, но никто не посмел вмешаться в этот странный союз. Друг ученого помог девушке получить документы, и пара сыграла свадьбу.

Идиллия семейной жизни продолжалась недолго.

С первого взгляда все выглядело прекрасно: супруги переехали в большую квартиру, у них родился ребенок, затем второй – обе дочки. Ученый рад. Вроде бы рад. Вот только друзья стали замечать под маской улыбки жены слабый блеск высохших слез одиночества. У нее не было подруг, работы, хобби, и поэтому она скучала от пустоты и страха. По ночам она выходила на балкон и, словно волчица, пристально смотрела на Луну, а муж продолжал спать в своей кровати.

Друзья умоляли ученого что-нибудь сделать, чтобы девушка не зачахла, но он лишь отмахивался рукой, не замечая проблемы. Каждый вечер мужчина приходил домой все позже и позже, а затем – все раньше и раньше, появляясь с восходом солнца. Причина такого поведения была банальна: молодая аспирантка постепенно похищала мужа из семьи.

У Волчицы родился сын, но ничего не изменилось. Проблемы только обострились, и главной проблемой стала средняя дочь. Девочке восемь лет, а она играет в странные игры: вешает и топит кукол, ночью не спит, а днем вместо школы убегает в лес. И постоянно разговаривает со своим плюшевым кроликом. Другие дети побаивались ее и за глаза называли Ведьмой, а девочка заставляла их себе прислуживать – то конфеты ей принесут, то украшения из дома украдут. Ученому это не нравилось. Он часто ругался с женой из-за проделок дочери, но она каждый раз заступалась за ребенка. В конечном счете это привело к тому, что ученый возненавидел и жену, и детей. За исключением разве что сына, которого считал наследником.

Странная отцовская любовь не могла спасти рушившиеся отношения. Ученый дошел до того, что в один из вечеров привел домой любовницу. Волчица не проронила ни слова, лишь закрылась в спальне. Ее муж, вместо того, чтобы устыдиться смирением супруги, взбесился и позвал к себе детей, сказав, что у них теперь новая мать. Раздался смех любовницы, которая протянула руки к Ведьме со словами: «Иди к маме», но та схватила со стола нож и легким ударом вогнала его по самую рукоять в бедро аспирантке.

Скорая спасла несостоявшуюся «мать», но с ученым дама встречаться перестала. Он этому не сильно расстроился и уже через неделю уехал жить к другой своей любовнице, забыв

и о жене, и о детях. Лишь друзья продолжали заботиться о Волчице и ее потомстве, предлагая ей найти новый дом. Увы! Волчица разучилась верить людям и осталась жить в оставленной мужем квартире.

В один из вечеров ученому позвонили соседи, обеспокоенные шумом и криками, доносящимися из его квартиры. Он примчался в оставленный дом и увидел то, что его потрясло: супруга и старшая дочь истекали кровью от ножевых ран; его малолетний сын плакал рядом с матерью; а в углу с окровавленным ножом сидела Ведьма, обнимая плюшевого кролика...

Алексей Георгиевич остановился. Словно забыв обо мне, он уставился в одну точку на полу, где ничего не было. Старик вспоминал безрадостные события прошлого. Он знал их не понаслышке, он точно принимал в них участие.

– Что случилось дальше? – аккуратно спросил я.

Алексей Георгиевич услышал голос и вернулся из воспоминаний в кабинет. Он расправил плечи и продолжил рассказ:

– Волчица умерла. Старшая дочь впала в кому. Среднюю отправили в психушку. А сына ученый забрал к себе. Но на этом все не закончилось. То, что случилось дальше, испугало всех. Ненормальные не смогли находиться со средней дочерью в одной палате. Казалось, что сумасшедшие во второй раз сходят с ума: они жаловались на кошмары, черные тени и до ужаса боялись Ведьмы и ее белого кролика. Больные умоляли спасти их и убить девочку. Дошло до того, что они чуть не устроили бунт, и, чтобы хоть как-то навести порядок, ведьму поселили одну в двухместную палату.

Но Ведьма на то и Ведьма, чтобы уметь околдовывать! Вскоре не только больные, но и здоровые почувствовали на себе ее власть. Она убедила одного из санитаров отпустить ее, а когда охранник попытался задержать девочку, то этот санитар избил своего коллегу до тяжелых телесных. Две недели охранник пролежал в реанимации между жизнью и смертью. Ведьму поймали, привязали к кровати и накачали разными препаратами.

Это не помогло. Вскоре еще один санитар унес девочку из больницы.

С большим трудом полицейские смогли отыскать ее в лесу рядом с университетом и поместить обратно в палату. Затем они поехали к доктору Крампу – уговаривать его забрать Ведьму к себе в Лабораторию. И он согласился. Чтобы девочка не сбежала, он сделал белый саркофаг с таинственными иероглифами, в который поместил усыпленную девушку. А после стал заниматься тем, чем занимался всегда, – наблюдать. Он записывал сны испытуемых, которые рассказывали про девочку с милым плюшевым кроликом, одиноко скучающую в пустой больничной палате. Заканчивались эти истории просьбами отпустить узницу. Или убить.

Вначале Крамп не придавал этим призывам значения, но ровно до тех пор, пока один из его коллег не устроил на него покушение, чтобы забрать ключ от саркофага. Оно провалилось, но после этого доктор настрого запретил спать в Лаборатории всем, кроме испытуемых, назвав это решение Табу. С тех пор минуло восемь лет, а Табу все еще действуют, ведь девушка продолжает спать в своем саркофаге...

Алексей Георгиевич тяжело вздохнул, и на его лице проступила болезненная усталость. У него появилась одышка, спина согнулась, и, вообще, он выглядел очень подавленным. Некоторое время он молчал, пока не осознал свою усталость. Тогда показательно жестким голосом, чтобы я и думать не смел, что он сдал, начальник службы безопасности спросил:

– Я полагаю, ты меня понял, зачем я тебе все это рассказываю?

Он говорил со мной словно учитель со школьником. Неприятное ощущение. Мерзко было бы поддерживать такое отношение к себе, но и конфликтовать я боялся. Поэтому мой собеседник услышал не «да» или «нет», а нечто бесформенное:

– У этой Лаборатории странные истории.

Алексей Георгиевич утвердительно покачал головой и сказал:

– Верно. Будет нехорошо, если ты станешь героем одной из них.

Фраза прозвучала немного странно: не как предупреждение, а как предсказание. Рассказанная история должна была удерживать меня от желания снова нарушить Табу, но вместо этого она породила столько интригующих вопросов. То, что девушка не напоминала убийцу, меня не смущало – я никогда не видел психопатов, поэтому мог ошибаться на ее счет, но вот откуда появилась мать девочки – Волчица? Дочь ее очень любила, иначе бы зачем девочка воткнула нож в ногу несостоявшейся мачехи? Но если девушка любила маму, зачем она убила ее и сестру? Стоп! Алексей Георгиевич не говорил, что Пленница белой комнаты убила Волчицу. Он сказал, что девушка держала в руках окровавленный нож, когда вернулся ее отец, но что если по нему стекала чужая кровь? Кто тогда и зачем проник в квартиру? Чем я больше я думал над историей, тем больше мне хотелось еще раз нарушить Табу и оказаться во сне, чтобы услышать версию Пленницы белой комнаты о той ночи. Если начальник службы безопасности думал, что своим рассказам он отобьет мое преступное желание вернуться в сон, то он выбрал для этого неудачный способ.

Алексей Георгиевич продолжал сидеть в моем кабинете. Он устал наблюдать за моими измышлениями, и, по всей видимости, догадываясь, к чему они идут, прервал их:

– Иди и подумай над тем, что я тебе сказал. Многие мужчины хотят стать героями, спасающими принцессу из заточения. Но мало кто задумывается над тем, что будет, если принцесса и вправду окажется ведьмой. Поэтому не повторяй глупых ошибок и больше не нарушай Табу: в эту Лабораторию очень трудно найти подходящих сотрудников. Я не хочу искать на твое место другого человека.

– Надеюсь, это не угрозы? – спросил я, вставая со стула.

– Нет, это предупреждение.

Алексей Георгиевич как-то странно посмотрел на меня с высокомерной ухмылкой, совсем не соответствовавшей характеру его слов.

От этого становилось еще неприятнее, и я поспешил покинуть кабинет. Что-то во всем нашем разговоре было не так.

Я вышел на лестничную клетку и остановился, посмотрев вниз. Никогда за все время работы в Лаборатории я не спускался ниже минус первого этажа; никогда я не ставил под сомнение истории Алексея Георгиевича; и никогда раньше я не видел за этими рассказами призыва к осторожному исследованию тайн. Любопытство перебороло страх и заставило меня сделать несколько робких шагов вниз по Лестнице. Спустившись на бетонные ступеньки, которых никогда не касалась моя нога, я словно пересек непреодолимую черту. Меня охватила эйфория, и я побежал вниз к неизвестности.

На минус четвертом этаже я увидел то, что должен был увидеть: две железных двери, одна из которых вела в лабораторию сна, а вторая – в Бездну. Все выглядело очень обыденно: обычная дверь, обычный темный подвал, обычная лампочка, горевшая тусклым светом. Никаких особых систем защиты, никаких выгравированных на металле тайных знаков, даже предупреждающей таблички – и той не было. Я прикоснулся к двери, и ладонь почувствовала металлический холод. Обычный металлический холод. Я заглянул в замочную скважину – и не увидел в ней ничего, кроме темноты.

– Если долго вглядываться в Бездну, Бездна начнет вглядываться в тебя, – услышал я голос за своей спиной. Я повернулся и узнал молодого аспиранта Игоря.

– Привет. Я даже не заметил, как ты сюда подошел, – поздоровался я и протянул собеседнику руку.

– А ты последние полчаса вообще ничего не замечаешь, – сказал Игорь. В его глазах читалось не то осторожность, не то презрение, мешавшее ему ответить на рукопожатие. Я должен был разозлиться, но я насторожился и спросил:

– О чем ты?

Вместо прямого ответа Игорь спросил сам:

– Сколько, по-твоему, ты смотрел в скважину?

– Пару секунд, – ответил я.

– Когда я спустился по Лестнице тридцать минут назад, ты уже смотрел в скважину. Когда я пошел обратно, то ты продолжал смотреть в нее. Я стою здесь минут десять, а ты все еще продолжаешь смотреть туда. Народ ходит, любуется твоей задницей, я и решил вернуть тебя на землю.

– Я даже не знаю, что сказать... – произнес я. Ситуация в моих глазах была настолько безнадежной, что я даже не стал искать оправдания.

– А и не надо ничего говорить. Тут люди к таким вещам привычные. Я про тех, кто работает на минус четвертом этаже. Поэтому они стараются не обращать внимания на всякие странности. Если игнорировать ненормальные вещи, легче почувствовать себя психически здоровым. Мой тебе совет: поступай как все.

Игорь был из тех, кто работал на минус четвертом этаже и должен был знать больше меня. Я захотел его спросить про девочку из сна и произнес:

– Скажи, а...

– И не надо меня спрашивать про Лабораторию, Лестницу, сны и что тут творится. Я нормальный человек, и если ты хочешь оставаться нормальным, делай вид, что ничего не происходит, – бесцеремонно прервал меня Игорь и убежал по Лестнице наверх.

Его совет – безумие! Как можно закрыть глаза и делать вид, что ничего не происходит? Лестница, девочка из сна и весь непостижимый новый мир никуда не исчезнут – они останутся здесь, и я их никогда не забуду.

Алексей Георгиевич, Игорь – они стояли перед границами нового мира, неизведанного, опасного, таинственного, и им оставалось сделать всего лишь маленький шаг, чтобы человечество открыло новую страницу истории, но вместо шага они поставили пограничные столбы из железных дверей. Они подобно инквизиторам выжигали страхом новые знания.

Я был не таким. Я заглянул за пределы непознанного и теперь был готов идти дальше, невзирая на страх. Они хотят, чтобы я ослепил себя?! Не дождутся! Я не знаю как, но я разгадаю загадку Бесконечной Лестницы! Возможно, вся моя прошлая жизнь, все Тени, преследовавшие меня с детства, все испытанное мной одиночество вели меня к этому месту и моменту, чтобы я пересек границу миров.

Жалко, что я вынужден искать ответы один. Дима не смог попасть на Лестницу. Однако мне нужно было встретиться с ним – он уехал из Лаборатории, оставив сумку в моих руках, и этим вечером я планировал ее вернуть.

ГЛАВА 7. ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ

Я стоял около квартиры Димы. Проблема заключалась в том, что я не знал, какая из четырех дверей на этаже была его – после того, как он переехал, я ни разу за четыре года не был у него в гостях. Ко всему прочему, ни на одной из дверей не висело номеров квартир. Я так долго принимал решение, куда следует постучать, что Дима выглянул на лестничную клетку без стука, чтобы выяснить, где я заблудился между домофоном и его квартирой.

Увидев меня, он улыбнулся и позвал зайти внутрь. Я прошел в квартиру, поздоровался с другом за руку, а затем вернул ему сумку. Из гостиной до меня донеслись звон посуды и веселые голоса оживленного разговора. Дима заметил мое любопытство и сказал:

– По правде говоря, у нас в гостях Лев Эдуардович и Кристина Майер. Если хочешь, то можешь к нам присоединиться.

– Ты думаешь, это будет уместным? – спросил я, поскольку сам не был уверен в том, что хочу остаться. К тому же, зная Диму, его предложение могло быть простой вежливостью.

Но было и два весомых аргумента присоединиться к ужину: во-первых, я мог поговорить с Кристиной Майер, а во-вторых, я хотел есть.

– Конечно, мы будем рады тебя видеть. К тому же, благодаря тебе я помирился с женой, – радушно произнес мой друг.

– Мне? – удивился я.

– Когда она узнала, что я болею с похмелья, то примчалась домой, чтобы помочь мне прийти в себя

«Или проследить, чтобы ты не стал весело проводить время», – подумал я, с трудом удержавшись, чтобы не сказать это вслух.

Я прошел в гостиную, где за столом сидело три человека: жена моего друга – Маша, его отец – Лев Эдуардович и их гостя – Кристина Майер. Комната была маленькой, и даже такое количество гостей казалось для нее большим. Во многом виноваты в этом были обои темно-зеленого цвета, зрительно убивавшие комнату.

Мое появление заставило всех замолчать, отчего я почувствовал себя неуютно. В растерянности я остановился в дверном проеме и задумался над правильностью своего решения присоединиться к ужину. Дима слабо подтолкнул меня в спину и сказал:

– Заходи, не стесняйся.

Я сделал шаг вперед и тихо произнес:

– Здравствуйте.

Я знал всех сидящих за столом, но моему появлению Димина семья оказалась не рада: Мария с кислым выражением лица ответила «здравствуй», а Лев Эдуардович с каменным лицом кивнул. И только Кристина Майер с широко раскрытой улыбкой произнесла: «Привет!» Такое начало вечера не предвещало ничего хорошего, и я решил, что проведу здесь не больше часа, пока не получу номер телефона молодой ученой. Она меня, судя по всему, не узнала, даже несмотря на то, что посадили меня рядом с ней.

Дима вместе с женой разместились на диване, а его отец восседал в изголовье стола, словно хозяин дома. Я всегда считал Льва Эдуардовича строгим моралистом и беспощадным отцом. Он оценивал каждое произнесенное слово, из-за чего разговор с ним превращался в экзамен. Поступил правильно – заработал бал. Сказал что-то не то – потерял. Я предпочитал не общаться со Львом Эдуардовичем, на что он отвечал взаимностью. Дима такой возможности не имел и был вынужден всю жизнь зарабатывать хорошие оценки у своего отца, где даже четверка – это плохо. Когда Лев Эдуардович отчитывал сына, Дима мог только виновато улыбаться.

Однако сегодня оценки выставлялись Кристине. Отец семейства задавал ей много вопросов, на которые девушка воодушевленно отвечала, не замечая реакции собеседника. В зависимости от полученных ответов, Лев Эдуардович мог одобрительно покивать головой, недовольно цокнуть языком или произнести фразу про инфантильность и несобранность молодежи. Работа Кристины по контракту в Европейской организации по ядерным исследованиям вызвала одобрение. Сожительство с бывшим парнем вне брака – осуждение. Он похвалил Кристину за ее благотворительную деятельность в области защиты окружающей среды, но выразил недовольство ее участием в феминистском движении. Девушка постоянно получала и теряла заработанные балы, и хотя в целом она держала положительное сальдо, экзамен стал изрядно утомлять всех присутствующих. В конечном счете мне это все надоело, и я вмешался в разговор:

– Почему ты решила стать ученой?

– Почему тебя это удивляет? – враждебно спросила Кристина.

Видимо, она увидела в невинном вопросе мужской шовинизм. Я быстро сориентировался и вместо заготовленной фразы про то, что раньше не встречал девушек-физиков, спросил:

– Почему ты решила, что меня это удивляет?

Кристина сделала снисходительный вздох и сказала:

– Почему все мужчины при знакомстве со мной обязательно спрашивают, почему я решила стать ученой?

– И почему же?

– Я не мужчина, почему ты спрашиваешь об этом меня?

– Лев Эдуардович, почему мужчины постоянно донимают Кристину этим вопросом? – спросил я «хозяина дома».

Отец семейства чуть не подавился едой от такой наглости. Он аккуратно положил столовые приборы на скатерть, вытер кусочки еды со рта и уже приготовился говорить, как раздался смех Кристины. Возможно, ей показалась забавной моя выходка, но, скорее, она не захотела ставить взрослого человека в неудобное положение и ответила сама.

Отцом Кристины был талантливый ученый, чья жизнь не могла не сказаться на жизни дочери. Вместо игр с куклами маленькая девочка крутила в руках модели атомов, а вместо чтения сказок на ночь они ходили смотреть через домашний телескоп на туманность Андромеды. Вместе с папой они периодически устраивали погром в квартире, производя удивительные физические или химические опыты. Я представил себе, как озорная девчушка, измазанная копотью, и серьезный отец в белом халате, взрывают самодельную бомбочку в детской, отчего комната наполняется серым дымом. Я рассмеялся от этого образа, и под мой хохот Кристина закончила рассказ тем, что ее единственным шансом не стать физиком, было пойти на химический факультет.

Девушка замолчала и с расслабленной улыбкой посмотрела на меня. Смущенный ее прямым взглядом, я пошутил:

– Я что, измазал лицо сметаной?

– Нет... но, мне кажется, что мы с тобой где-то встречались, – ответила девушка и, прищурившись, стала всматриваться еще сильнее.

Теперь я понял: Кристина не вспомнила меня. Именно поэтому она вела себя доброжелательно по отношению ко мне. Я решил, что продолжу сохранять инкогнито, но в разговор вмешался Дмитрий:

– Тебе не кажется. Вы и правда встречались на лекции в университете.

– Точно! Теперь я тебя вспомнила! Ты еще спросил меня про гравитационную ракушку, – произнесла Кристина, не отрывая взгляда. Пока она произносила фразу, на ее лице сменилась целая гамма эмоций: торжество, удивление, тревога.

– Да. Мне на работе рассказывали городскую легенду о Бесконечной Лестнице, вот мне и стало интересно, сколько правды в таких байках, – подтвердил я.

Вспоминая о нашей с Димой пьяной поездке в Лабораторию, я старался аккуратно подбирать выражения, чтобы ни одно произнесенное слово не дало поводов для обвинений. Не вышло.

– По-моему, байки с твоей работы – не самая удачная тема для разговора, – сказал Дима.

Еще больше меня испугала реакция Кристины на мои слова. Ее лицо исказилось в одно мгновение: улыбка исчезла, подбородок приподнялся, губы сжались. Она источала холод, и от этого становилось не по себе.

– Я что-то не то сказал? – спросил я.

– Нет, все в порядке. Продолжай, – ответила девушка, а сама сжала плечо побледневшими руками.

Все точно не в порядке.

– Что продолжать? – спросил я.

– Рассказывать про Бесконечную Лестницу.

– А что про нее рассказывать?

– Давайте закончим этот разговор! – грубо, чуть ли не криком, прервал перебранку Лев Эдуардович и ударил о стол рукой. Старик посмотрел на меня высокомерным взглядом и добавил: – А вам, молодой человек, вместо того, чтобы забивать голову моего сына всякими глу-

постоями, стоит больше внимания уделять своей работе и не заявляться туда в пьяном виде. К тому же, уже поздно. Я думаю, вам пора домой.

Меня возмутило такое отношение! Мой взгляд бросился к Диме за заступничеством, но встретил... виноватую улыбку. Эту вечную виноватую улыбку. Нет, Дима ничего не скажет своему отцу, даже если не согласен с его решением. Хозяином в доме моего друга оставался его Лев Эдуардович. Готов поспорить, что и с женой они помирились не потому, что Дима позвонил Марии, а потому что это сделал за него «папа».

– Что ж, пожалуй, вы правы, – согласился я. Выбора у меня все равно не было.

Я встал из-за стола, произнес «спасибо» и пошел за верхней одеждой. Дима вышел проводить меня в коридор, где я прочитал в его глазах: «Извини, что так получилось». Он никогда не произнесет эту фразу вслух – решения отца не оспариваются.

Дима молча протянул мои ботинки, а я молча их взял.

И тут в холл вышла Кристина.

– Я тоже пойду, проводишь меня до отеля? – попросила она меня.

Не ожидал такого поворота событий. Если Кристина хотела узнать от меня подробности о Бесконечной Лестнице, то она поступила логично. Я тоже поступил логично и согласился:

– Конечно, провожу. Нам далеко ехать?

– Идти. Я остановилась в университетской гостинице.

Девушка подошла к шкафу и вытащила из него красный клетчатый пуховик с широким черным поясом. Затем она надела забавную шапку с помпоном и, попрощавшись с хозяевами квартиры, выскользнула на лестничную площадку. Я одевался дольше и догнал Кристину только во дворе, где в свете окон девушка рассматривала снежинки на своих белых варежках. Услышав скрип железной двери, она повернулась ко мне и мягко произнесла:

– Извини, что тебя из-за меня выгнали.

– Не извиняйся! Меня выгнали из-за скверного характера Диминого отца, – не согласился я.

– Он ни при чем. Тебя выгнали из-за меня, – сказала Кристина, укутываясь глубже в куртку.

– Откуда такая уверенность?

– Давай мы не будем спорить? Расскажи, что ты знаешь про Лестницу. Я хочу услышать историю твоего друга, – сменила тему девушка. Она показала пальцем в сторону дворов и добавила: – Нам туда.

С этими словами Кристина подошла ко мне и взяла под руку.

Последний раз я ходил парой с девушкой еще в университете. С того времени успел привыкнуть к одиночеству – женское прикосновение смутило. Однако я не был настолько малодушен, чтобы от легкого флирта, если это был флирт, начать делиться тайнами. Я ответил без конкретики:

– Ничего особенного. Мои коллеги говорят, что нашли в подвале здания, где я работаю, Лестницу, уходящую бесконечно вниз. Но я туда не спускался – нет допуска. Мы с Димой пробовали попасть в нее, но нашли обычный подвал.

– Что еще говорят твои коллеги?

– Что если уснуть на Лестнице, тебе могут присниться странные сны, а если спуститься в нее глубже, то можно увидеть, как эти сны становятся реальностью.

– Любопытно. Что еще?

Странно. Сейчас она смотрела на меня широкими глазами с мнимой улыбкой и нескрываемым любопытством, а сами вопросы напоминали допрос. А ведь еще десять минут назад, когда я только упомянул про Лестницу, Кристина сжимала до побледнения пальцев свои плечи. В этой перемене было что-то противоестественное.

– Почему ты так интересуешься городской легендой? – спросил я.

– Она напрямую связана с моим исследованием. Найду гравитационную ловушку – получу Нобелевскую премию. Будет здорово, как ты считаешь?

– Не факт, – пробурчал я.

Девушка не услышала и переспросила:

– Что?

– Я спрошу коллег про Бесконечную Лестницу, тебе нужно только сказать мне, что тебя интересует. Вот только вряд ли мне удастся самому увидеть Лестницу.

Натянутую улыбку спутницы сменила прикушенная губа. Девушка отпустила мою руку, остановилась, а затем холодным голосом произнесла:

– Ты обманываешь меня: ты видел Лестницу!

Я молчал. Она догадалась, что я ездил с Димой в Лабораторию не просто так. Но как я должен реагировать? Признаться? Продолжить врать? Оставить девушку на этом месте, а самому сбежать? Кристина не дождалась моей реакции. Сделала шаг назад и, делая ударение на каждом из слов, повторила:

– Ты обманываешь меня!

Какая уверенность! Нет, я не мог ни соврать, ни сбежать. Но и признаться не мог — угрозы Алексея Георгиевича все еще звучали в моей голове. Я слышал их в пульсации висков и топоте сердца. Я не нарушу Табу снова. Тогда, чтобы выйти из положения, я предъявил спутнице встречное обвинение:

– Ты тоже не искренна со мной.

Кристина вздрогнула. Этого почти нельзя было увидеть, но она вздрогнула. Кристина боялась не меньше меня. Ее страх подарил мне облегчение. Я посмотрел на небо. Снег ложился на мое лицо. Мы стояли друг напротив друга в раздумье. Каждый из нас думал об одном и том же – о том, что мы не обязаны говорить друг другу правду, хотя каждый жаждал ее услышать и... сказать. Странно, что судьба свела нас двоих. Ах да, это же была не судьба, а Патрицио – тот странный незнакомец в баре, назвавшийся торговцем информацией. Он – еще одна причина молчать. Ради каких целей он нас свел? Вряд ли им двигали благородные мотивы.

Я посмотрел на девушку ледяным взглядом, таким же холодным, как ветер, проникающий до тел сквозь тонкие куртки. Если мы продолжим молчать, холод дойдет до сердца. Тогда мы разойдемся, так и не услышав общие тайны, способные подарить успокоение.

Кристина поняла это первой. Она вздохнула, опустила голову и дрожащим голосом произнесла:

– Это касается моего папы...

Девушка говорила через силу, с трудом выдавливая слова из своих легких. Душевные страдания становились физическими и проступали слезами на щеках. И все же, она говорила:

– Когда-то папа жил в этом городе. Он учился в университете, том самом, где я читала лекцию. Меня пригласили туда только из-за того, что ректор знал моего отца. Вместе с папой учился Эдвин Крамп. Ты его наверняка знаешь.

Я утвердительно кивнул, и девушка продолжила:

– После университета мои родители уехали из страны. Затем родилась я. В новом месте папа стал успешным ученым: его статьи печатались в самых престижных журналах, а исследования получали гранты от правительства и крупнейших корпораций. К тридцати пяти он добился того, о чем многие ученые и не мечтают в пятьдесят! Папа очень любил меня и маму. Он постоянно брал меня к себе на работу. Мы ездили вместе по научным конференциям – я тебе рассказывала об этом за ужином. Все изменилось в один момент. Вместе с телефонным звонком...

Голос девушки дрогнул, и она замолчала, чтобы перебороть накатывающие на нее эмоции. Мне хотелось ее как-то успокоить: взять за плечо или обнять, сказать, что все хорошо. Вместо этого я продолжал беспомощно стоять на месте, боясь сократить дистанцию.

Девушка справилась с болью сама и продолжила:

– Трубку взяла я. Незнакомый голос спросил папу. Он спал, и я не хотела его будить, но голос настоял. Я разбудила папу. Он о чем-то долго говорил по телефону, а когда положил трубку, сказал, что его пригласили в родной университет прочитать лекцию. Папа звал поехать с ним, но я отказалась – сказала, что выросла и больше не хочу заниматься физикой. Он как-то грустно на меня посмотрел. До сих пор помню тот взгляд и свою вину перед папой: за то, что сказала так. И за то, что не поехала с ним. Он улетел один.

Когда папа вернулся через неделю домой, я радостная выбежала его встречать, но вместо сияющей улыбки увидела мрачную маску, словно случилось что-то ужасное. Папа вошел в дом, упал на колени, обнял меня и заплакал.

Утром он поехал в церковь, хотя раньше никогда не верил в Бога. Наоборот, он всегда подчеркивал, что из-за этого мракобесия большинство людей до сих пор не могут вылезти из Средневековья! Папа вернулся домой поздно вечером с Библией и какими-то еще книгами. За ужином он усадил нас за стол и начал говорить о том, что мы должны покаяться, начать молиться, ходить в церковь, раздать наши вещи бедным... В тот вечер они сильно поругались с мамой. Папа попытался склонить меня на свою сторону, но я обиженно ответила: «Как ты можешь просить меня предать науку?» Мне было все равно на науку, но я хотела вновь увидеть веселого, улыбающегося папу, таким, каким он был, когда учил меня физике. Папа ответил: «Я видел Ад. Эдвин Крамп показал его мне, показал Лестницу в подземной Лаборатории, по которой уходят вниз проклятые души. Один раз я уже спустился по ней. Второго раза не будет».

Через неделю папа уволился из университета. Еще через месяц уехал в какую-то религиозную общину, оставив нас с мамой одних. Навсегда. Наши друзья и знакомые смотрели на нас с осуждением. Я знаю, за глаза они говорили: «Если бы муж был счастлив в семье, в секту бы он не ушел». Как будто они имеют право судить! Тогда я твердо для себя решила, что продолжу папино дело. Мне казалось, что если я стану великой ученой, то окружающие изменят свое мнение и о папе. Ты спрашивал, почему я решила стать ученой, – вот честный ответ на твой вопрос.

Кристина остановилась и посмотрела на меня выпрашивающими одобрения глазами. Ее взгляд бегал по моему лицу, будто она пыталась прочесть мысли. А я молчал. Если бы этот разговор случился в понедельник, когда я пришел на лекцию Кристины, то я бы не устоял перед ее просьбой рассказать о подземной Лаборатории и Бесконечной Лестнице. Я вообще не умею говорить людям «нет». Но за два дня многое изменилось: теперь я знал, что если еще раз нарушу Табу, то больше никогда не попаду на работу. Страх заставлял молчать.

Однако я не мог лишить девушку надежды узнать, что случилось с ее отцом. Я решил сказать полуправду, схитрить, обезопасив себя и приобретя союзника, желавшего, как и я, раскрыть тайну Бесконечной Лестницы.

– Если тебе это поможет, то я работаю в Лаборатории, в которой раньше работал доктор Крамп и которую посещал твой отец. Там, в подвале здания, за запертой дверью находится Лестница, бесконечно уходящая вниз. Я точно знаю, что она есть, хотя никогда не был внутри...

– Но ты хотя бы пытался?! – возмутилась Кристина.

– Мы с Димой решили проверить правдивость этой истории и проникнуть в подвал Лаборатории, – ответил я.

– Судя из разговора за ужином, неудачно?

– Да, неудачно. Вместо Бесконечной Лестницы мы обнаружили простой склад. Никакой Бесконечной Лестницы или гравитационной ловушки там не было, что нас очень разочаровало. Ладно меня разочаровало. Что подумал Дима, я предпочитаю не знать. Я уже подумал, что Бесконечная Лестница – выдумки, как один знающий человек сказал, что все дело в том, что мы открыли дверь не в ту комнату. Он открыл дверь и показал Лестницу.

– И что ты увидел? – прищурила глаза Кристина.

– В этот раз я увидел не подвал, а Лестницу, уходящую вниз. Была ли она бесконечной, сказать не могу – внутрь меня не пустили.

После этого Кристина, словно журналист, берущий интервью у знаменитого актера, обрушила на меня цепочку вопросов. Она методично спросила обо всем: не спал ли я в Лаборатории? Нет. Не слышал ли я неизвестные голоса? Нет. Не отказывала ли в Лаборатории техника? Нет. Какие сны мне снятся после трудоустройства в Лабораторию? Обычные, такие же, как и раньше. А подробнее?.. И все в таком духе. Мои ответы девушку только разочаровывали. В конце концов она спросила:

– Ты можешь меня познакомить с человеком, открывшим дверь на Лестницу?

– Нет. Он из службы безопасности, и, если я задам ему такой вопрос, он меня сразу арестует.

– А показать дверь в Лабораторию?

– Это секретное предприятие. Кто тебя туда пустит?

Девушка сложила на груди руки, и, покусывая губу, задумалась, как преодолеть возникшую проблему. Мне это показалось занимательным – ученый, опубликованный в «Сайнс», серьезно рассуждает на оккультные темы. Со слов Алексея Георгиевича, Крамп таким и был, но с ним я знаком не был. А за доктором Майер я мог наблюдать вживую.

Погода этому, правда, не способствовала. Снегопад усилился и теперь валил увесистыми хлопьями, забиваясь в глаза, рот и нос. Находиться на улице стало совсем неприятно. Еще немного, и дороги могло полностью завалить. В этом случае мне пришлось бы часами пробиваться до своего дома. Разговор нужно было откладывать на более удачное время.

– Я сделаю все, что в моих силах и попробую узнать больше про Лестницу. Можешь быть уверена в этом. А теперь идем, пока нас не замело снегом, – сказал я.

Девушка утвердительно кивнула, и мы ускорились в направлении гостиницы. Идти до нее оставалось не больше пяти минут – в Городке небольшие расстояния. За это время мы успели обменяться телефонами и договориться о плане действий. Я обязался подробно расспросить коллегу о таинственной двери, а Кристина – заняться формулами и теориями, способными объяснить, как за одной дверью может быть две комнаты. Я сомневался в том, что Майер сможет найти физическое объяснение этого феномена, но вслух предпочел об этом не говорить.

Попрощавшись со спутницей, я прыгнул в такси – старый «Форд», приехавший из 70-х годов двадцатого века. Мы неслись по шоссе вдоль лесного массива. В окно ничего не было видно, кроме стремительных хлопьев снега на фоне черной ночи. Стоящие вдоль трассы фонари и фары встречных машин скорее слепили, чем освещали путь. Могло показаться, что водитель ведет автомобиль по приборам, а не благодаря острому зрению. Я лег поудобнее в кресло и закрыл веки, поддавшись усталости позднего вечера.

– Коньяк стоит сзади. Ты можешь налить и выпить, если хочешь. И не бойся, он не отравлен, – произнес водитель странную фразу.

Я посмотрел в зеркало заднего вида и увидел кусочек смуглого лица с черной бровью над карим глазом. Я узнал водителя: незнакомец из бара, Патрицио, назвавшийся торговцем информацией.

– Останови машину! – закричал я в панике.

– Мы не приехали еще. Ты сказал другой адрес, – спокойно возразил Патрицио.

– Я сказал: останови машину! Куда ты, черт побери, везешь меня?!

– Мы едем туда, куда ты сказал поехать. Я не ворую тебя, но я хочу говорить с тобой. А когда вы едете на машине со скоростью больше, чем семьдесят миль в час, разговаривать лучше: собеседник не может отказаться от разговора.

Патрицио говорил спокойно, даже доброжелательно, и от этого становилось по-настоящему жутко. В моем воображении именно так и произносятся самые страшные угрозы: хлад-

нокровно, с улыбкой на лице. Я посмотрел на спинку водительского кресла, где в сетке стояла полупустая бутылка коньяка, и подумал, что если ударю ей по голове Патрицио, то смогу его обезвредить. Только на скорости девяносто километров в час это будет стоить жизни нам обоим. Можно было бы выскочить на светофоре, но на трассе их не стояло. Патрицио был прав: я не смогу выйти из автомобиля, пока мы не достигнем пункта назначения. Оставалось только верить, что этим пунктом будет мой дом. Дом... Я вдруг понял, что назвал Патрицио свой домашний адрес, куда он может навеститься в любой момент. Если только он уже не знает мой адрес.

– Что ты думаешь о докторе Майер? Она говорила тебе про своего отца? – спросил Патрицио.

Я задал встречный вопрос:

– Доктор Майер ваша заказчица?

– Нет, она не мой заказчик. Ты не должен иметь интереса в моем заказчике.

– А где я должен иметь интерес?

Я отошел от первого шока и был готов разговаривать со своим похитителем. Сотрудничество могло спасти мне жизнь, и все равно мой голос звучал слишком агрессивно и нервно. В отличие от меня, Патрицио был абсолютно спокоен. Конечно, это ведь он похитил меня, а не я его. И он совсем не боялся своего преступления! Насколько же он опасен?

– В информации. Ты можешь спросить меня о том, что тебя интересует, – сказал Патрицио.

– Боюсь, мне не хватит денег расплатиться за ответ.

– Не бойся. Если я не говорил цену для товара, то товар будет бесплатным.

– Не бывает бесплатного товара. Если тебе что-то дают бесплатно, то, значит, товаром являешься ты, – с отчаяньем произнес я.

Я совершенно не понимал, чего от меня хотят. Что я должен спросить? Что я хочу спросить? Молчание казалось худшим из вариантов, поэтому я спросил первое и единственное, что крутилось в моей голове:

– Бесконечная Лестница – куда она ведет?

Патрицио выдержал паузу, а затем медленно, четко выговаривая каждый слог, ответил:

– В Бездну. В Ад. В Никуда. Может быть, она иллюзия. Все говорят разные вещи. Но я торгую информацией, а не философскими теориями. Задай мне другой вопрос.

Ответ разочаровывал и ничего не давал. Возможно, Патрицио знал правду, но предпочитал ее не говорить. Про что вообще он был готов рассказывать? Нет, он ждал не любой, а вполне определенный вопрос, который я должен угадать. Это игра, и она будет продолжаться до тех пор, пока я не спрошу то, что он хочет услышать. Можно было согласиться на правила и начать перебирать варианты, а можно было закончить это издевательство одной фразой:

– А на какой вопрос ты можешь ответить?

Патрицио улыбнулся. Возможно, из-за того, что я раскусил его план, а возможно, из-за того, что наконец добился того, ради чего сел за руль автомобиля.

– Ты можешь спросить меня о том, как видеть настоящие сны за стенами Лаборатории, – произнес Патрицио.

– И как же? – без энтузиазма спросил я.

– С помощью ловца снов. Я знаю, где ты можешь достать его. Возьми блокнот на заднем сиденье. Я написал в нем адрес телеутки², кто делает специальные ловцы снов. Заплати ей векселем, который лежит в блокноте.

² Телеуты— тюркский коренной малочисленный народ в России, ведущий свое происхождение от тюркоязычного кочевого населения юга Западной Сибири. Традиционным верованием телеутов является шаманизм.

Я послушно выполнил указания и вытащил из сетки кресла блокнот. В нем лежала пожелтевшая бумага, на которой было что-то написано черными чернилами на латинском языке. Я взял его в руки.

Лист вспыхнул огнем.

Я швырнул вецсель прочь. Пламя погасло. Бумага осталась нетронутой. Я перезапустил дыхание и снова взял лист в руки. Он загорелся, но теперь я не стал им бросаться – пламя не обжигало, а бумага не сгорала.

– Этот документ скреплен клятвой крови. Человек, подписавший его, исполнит клятву или умрет, – объяснил Патрицио словами, которые ничего не объясняли. Я понимал одно, самое главное – этот человек не был иностранным шпионом. Он вестник другого мира. Страшно и интересно.

– Кто ты? – прошептал я.

– Мое имя Патрицио. Я являюсь торговцем информацией. Я говорил. Если ты хочешь узнать больше, достань ловец снов. Но не крепи его дома. Он ломает границу миров. Разрыв в квартире является плохой идеей. Найди оружие. Настоящее оружие. Ты нуждаешься в нем внутри своих снов.

– Что мне искать во снах?

– Ответы на вопросы.

Я уверен, Патрицио мог и сам на них ответить, но, умело направляя разговор, он сделал так, чтобы я продолжал искать их сам. Я поеду к телеутке, возьму у нее ловец снов и пересеку границу миров. Не потому что так хочет Патрицио, а потому что я сам хочу этого.

А что хочет Патрицио? Ему не нужна Бесконечная Лестница. Если можно путешествовать в мире снов без нее, он бы уже давно воспользовался ловцом сном. Он хотел, чтобы именно я воспользовался им.

Если трезво смотреть на ситуацию, у меня не было причин пересекать границу снов. И в то же время меня все подталкивали к этому решению: Пленница белой комнаты, Кристина, Патрицио. На другой стороне стояли Алексей Георгиевич и Лев Эдуардович, предпочитавшие, чтобы я оставил эту затею, но к ним я не испытывал симпатии. Их скучная, зажатая рамками жестких правил жизнь отравляла меня. Если выбирать, то лучше уж общаться с таинственными незнакомцами, чем упиваться тоской в одинокой квартире.

Патрицио не соврал – он привез меня домой. Я вышел из автомобиля, и двигатель «Форда» издал тяжелый гул, после чего машина исчезла за плотной завесой свинцового снегопада.

Я смог спокойно выдохнуть. Подойдя к своей двери, я приложил ключ к домофону и открыл ее. Темнота. Кто-то выключил свет во всем подъезде. Я стоял на его пороге, освещенным уличными фонарями, и смотрел на Тьму. В детстве я боялся ее. В студенчестве этот страх прошел – я узнал, что в темноте никого нет. Теперь я в этом не был уверен.

ГЛАВА 8. ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Наша встреча случилась, когда я был еще студентом.

Та предрассветная ночь предвещала что-то ужасное. Гроза била дрожью по стеклам. Ливень дробью стучал по деревянным окнам. Взбесившийся ветер ломал ветви, а гул шатавшихся сосен наполнял стенами студенческий городок. Тени от израненных лап деревьев на потолке комнаты напоминали конечности мистических чудовищ, разбуженных бурей. Ураган пронесся скакуном над городом, и минут через тридцать исчез за его окраинами, а я так и не смог уснуть. Мне все время мерещились Гости, затаившиеся в углах.

Ближе к вечеру, когда я вышел из учебного корпуса, я остановился у перекрестка и посмотрел на лес на другой стороне дороге. Асфальт служил границей между двумя мирами – современным городом и бесконечной тайгой. Я нечасто гулял по лесу, но сегодня он звал меня. В нем было что-то иное, что-то притягательное, проскальзывающее между ребер и дергавшее за минорные струны. Бывает, что хочется ощутить одиночество, сбежать от людей в какое-нибудь укромное таинственное место, и в тот момент у меня возникло именно такое желание – раствориться среди шума листьев.

Я помню, как наслаждался природой. С юга дул теплый ветер. Небо затянули серые облака, а воздух покрыло как бы пеленой. В такую погоду предметы не отбрасывают тени – два мира сливаются в один. Философская грусть – так, наверное, можно описать мое состояние в тот день.

Я шел по лесным тропинкам, частью отсыпанных щебенкой, частью вытопанных. Одна из них вывела на холм, где я обнаружил сложенные из упавших деревьев «крепости», возведенные ролевиками. «Крепостями» сооружения были только в воображении этих самых ролевиков, я же видел недостроенные избы. Среди срубов стояли вертикальные бревна с вырезанным на них ликами языческих богов. Грубая, некрасивая работа делала идолов похожими на чудовищ больше, чем на людей. Они давили пугающей, отталкивающей энергетикой, сочившейся с тех времен, когда духи жили среди людей, а люди приносили им кровавые жертвы. По университету ходили слухи, что среди студентов существует секта язычников, которые до сих пор проводят древние ритуалы.

До этого момента я с иронией относился к подобным рассказам – мало ли, кто в какие игры заигрался. Вот только деревянные лики смотрели на меня словно живые. Мной стали овладевать тревога и отвращение, поэтому я поспешил убраться с холма и вернуться в общежитие.

За то время, пока я стоял на холме, погода поменялась в худшую сторону. Ветер сменил направление и наполнился неприятным холодом. Воздух начал темнеть, а значит, небо, которое я не видел из-за хвойных ветвей, затягивало тучами. Непонятно откуда налетели сотни ворон. Черные птицы зловещим карканьем заглушили тишину леса.

Я перешел на быстрый шаг. Тропинка увела меня в овраг. Пробираясь между кустарниками, я услышал металлический звон – чуждый лесу звук. Любопытство остановило меня, и среди веточек я разглядел ключ с бронзовой биркой, привязанный обрывком белой ткани к кусту. Мне показалась это занимательным. Я решил, что его повесили ролевики для какого-нибудь квеста и забыли о нем.

Оставив игрушку на своем кусте, я продолжил идти. Через несколько десятков шагов я почувствовал запах гнили. Он был таким отвратительным, что я побежал, лишь бы избавиться от него. Я успел сделать всего несколько шагов, и тут...

В лицо ударила стая ворон. Хлопот их крыльев заставил пригнуться к земле и зажмуриться. Когда звук полета ушел за спину, я открыл глаза и увидел, что привлекло внимание падальщиков.

Человеческое тело было не просто изуродовано: его разорвали и разбросали на нескольких метрах вокруг. Я отвернулся, чтобы не вырвало. А затем почувствовал животный доисторический страх. Что-то шептало: «Беги! Беги, пока ты сам не стал едой для трупоедов!»

И я побежал. Побежал так быстро, как только умел бежать. Спотыкаясь, падая в грязь, цепляясь за ветви, я бежал к выходу из леса. А вокруг хохотали черные вороны. Они гнали меня, как гончие гонят добычу.

Я бежал долго – так мне казалось. Но когда раздался металлический звон, я понял, что вернулся к тому месту, от которого пытался сбежать!

Я остановился и попытался убедить себя, что мне ничего не угрожает, что человека убили не сейчас и что убийца давно покинул место преступления. Вот только способ, которым он расправился с жертвой, не давал покоя. Нечеловеческое убийство. Даже психопаты не убивают людей так, как разделались с этой жертвой! Здесь было что-то другое, потустороннее.

Я больше не мог бежать. Выдохся! Я развернулся в направлении сооружений ролевиков и пошел в их сторону. Я не видел строений, но помнил, где они стояли. Из-за нескончаемого карканья я не слышал собственных шагов. Если убийца оставался здесь, он мог подкрасться незаметно. Поэтому я все время озарялся по сторонам, чтобы высмотреть кровавого охотника между кустарниками и деревьями. Мое боковое зрение упорно принимало растительность за силуэты людей. Каждый раз я вздрагивал от этого.

Я поднялся на холм, где должны были стоять «крепости» ролевиков, но не обнаружил их там. Нервы стали отказывать. Я не мог найти дорогу к общаге в крошечном лесу!

Я шел просто прямо. Сделал несколько десятков шагов, и вся стая ворон взмыла в небо. Я замер, испугавшись вместе с птицами. А затем услышал, как вдалеке затрещал лес от падавших на землю деревьев. Вековые сосны ломал не ветер и не гроза. Поступь чудовища – вот что я слышал. Оно растерзало мертвеца в этом лесу, и оно шло, чтобы повторить убийство с новой жертвой – мной.

Безумие страха подарило энергию, которой у меня не было. Я снова нашел силы бежать, бежать прочь из мистического леса. Я не замечал ничего. Это меня и подвело. Нога зацепилась за корень, и я полетел вниз. А когда упал, услышал осточертевший медный звон. Чтобы я ни делал, куда бы ни бежал, я не мог вырваться из заколдованного круга. Меня загнали в ловушку, где встреча со смертью оказалась неизбежной. Ее поступь становилась ближе и ближе.

Я дошел до той грани отчаянья, когда хочется лечь на землю и с тупым взглядом ожидать неминуемого конца. От этой безысходности в голове родилась безумная идея: быть может, ключ с бронзовой биркой и белой тряпкой повесили на куст не случайно? Быть может, именно он может открыть дверь леса и провести к людям?

Глупость!

Эта глупость стала для меня единственной надеждой. Я встал, сорвал ключ с куста и привязал к своей руке. Голос леса нарастал, он звучал буквально за спиной, но я не спешил. Мне нужно было найти дорогу. Мне нужно было восстановить дыхание. И у меня не было возможности сделать еще один круг между рядами сосен. Я пытался воспроизвести в голове маршрут, которым я пришел сюда, и мне казалось, что я смог это сделать. Я опознал холм, на вершине которого должны были стоять «крепости» ролевиков. Я пошел к нему.

Только когда я увидел деревянные постройки, я позволил себе сорваться на бег. Гул леса уже заглушил и карканье ворон, и даже мое дыхание. Совсем близко, чуть сзади и сбоку. Может быть, рывок, может быть, два – и я буду схвачен. Вот уже здания показались между деревьями, но кто окажется быстрее?

Только когда ноги коснулись асфальта, а ушей достиг звук тормозов, я понял, что оказался быстрее. Дорога служила границей между миром людей и миром духов. Я перешел ее и с этого момента находился в безопасности.

Когда я обернулся, чтобы убедиться в спасении, то увидел Его между деревьями: огромная Тень высотой в три человеческих роста раздвинула когтистыми лапами сосны и смотрела на меня расплавленными фиолетовыми глазами. Прозрачное, подобно дыму костра, чудовище не имело четкого очертания. Его образ был настолько неуловим, что я не мог с уверенностью утверждать, что Оно и правда существовало. Но я видел Его. Я смотрел на него с ужасом и ничтожностью. Схвати Оно меня – и двумя пальцами свисающих до коленей лап Оно бы переломило мне хребет.

Из остолбенения меня вывел водитель. Он подбежал ко мне с матами, схватил за грудки и начал трясти. Он говорил что-то о том, что надо разуть глаза, смотреть по сторонам и думать о жизни. Я посмотрел на водителя с улыбкой облегчения и что-то сказал. Я выглядел и вел себя как безумец. Это пугало. Шофер замолчал, разжал руки и некоторое время с приоткрытым ртом всматривался бегающими глазами в мое лицо. Затем он слабо выругался и вернулся в машину.

Когда я снова взгляделся в темноту леса, то чудовища уже не увидел. Я долго стоял так и все смотрел в лес. Мимо проходили люди, с напряжением косящиеся на меня. Кто-то смеялся, но большинство ускоряли шаг. Только когда я стал замерзать, я вернулся в общежитие.

Никому я не сказал о произошедшем в тот день. Я убедил себя в том, что пережил нервный срыв от учебы. Но ключ, найденный в лесу, оставил. Я сделал из него амулет и повесил на шею. Так, на всякий случай...

ГЛАВА 9. ГОРОДСКОЙ НЕОЛИТ

Весь следующий рабочий день я провел под пристальным наблюдением Алексея Георгиевича. Он несколько раз заходил в мой кабинет по совершенно незначительным поводам: звонил по телефону, впервые обедал со мной за одним столом – в общем, всем своим видом напоминал, что после пьяного инцидента считает меня неблагоприятным сотрудником Лаборатории. К концу дня он так придушил меня своим вниманием, что хотелось пойти и уснуть в кабинете только ради того, чтобы его позлить.

Возвращение домой не улучшило мое состояние. Пустая квартира окружала тишиной, но не покоем. Время в моем жилище замерло много лет назад, и в нем никогда ничего не менялось – не приходили гости, не звонили друзья, и уже даже не играла музыка. Раньше я смотрел сериалы, но теперь и они стали рутинной. В этот вечер я снова ничего не хотел.

Я прошел в спальню, включил ночник и лег на запровленную кровать. Смотрел в потолок и мечтал, чтобы скорее настала ночь и я смог уснуть. Сны – самое интересное, что посещало эту комнату. Их сюжеты интриговали больше, чем штампованные на конвейере сериалы. А еще сны всегда заканчивались светом, в отличие от работы, которая завершалась темнотой. Я верил, что однажды завтра станет новым днем, но дни никогда не менялись. Жалко.

Раздался телефонный звонок – тоже нечастое явление в моей жизни. Я поднял его над головой и прочитал на экране: «Кристина Майер».

– Привет! Это Кристина! Ты смог что-нибудь узнать? – услышал я в телефоне.

– После того, как я пьяный попытался проникнуть в секретную часть Лаборатории, меня даже в туалет одного не отпускают. Я верю, что они не прослушивают телефон, но надежды нет, – с грустной иронией ответил я.

– Есть какие-нибудь идеи, что с этим делать? – поинтересовалась Кристина.

– Давай встретимся завтра после работы – выпьем кофе, поболтаем.

– Не совсем такую идею я имела в виду, но мне она нравится. Где и во сколько?

Мы договорились о встрече, и я положил телефон на тумбу. Можно было подумать, что я пригласил девушку на свидание, но это не было приглашением на свидание. Конечно, когда долго живешь один, в каждой девушке видишь потенциально свою даму сердца, но цели провести с Кристиной ночь у меня не было. Я устал от безвременья жизни, и даже если наша встреча пройдет отвратительно, она будет лучше вечера, который ежедневно ждал меня в пустой квартире. Здесь какое-то разнообразие. Последний раз я ходил с девушкой в кафе в институте. Когда это было – семь, восемь лет назад?

Мы с Кристиной встретились вечером, и я отвел ее в кофейню недалеко от отеля, где она остановилась. Сначала мы обсудили мое положение на работе. Вместе решили, что не стоит ускоряться к финишу и нужно подождать, пока начальник службы безопасности переключится с меня на другие вопросы. Затем мы взяли капучино в бумажных стаканах и пошли гулять по вечернему городу. Погода стояла теплая и безоблачная. Очень скоро стемнело, и на небе можно было рассмотреть созвездия: Большую Медведицу, Кассиопею, Ориона. Кристина вспомнила, как вместе с отцом наблюдала за звездами из загородного дома, где небо не закрывало электрической завесой города, и ей стало грустно. Я вспомнил, как в детстве, рассматривая небо через армейский бинокль, нашел Плеяды и принял их за НЛО. Девушка засмеялась, и оставшийся вечер мы обсуждали наше общее увлечение – космос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.